

The background of the cover is a photograph of a weathered, grey concrete wall. A vertical, dark blue pillar stands in the center. The pillar has a lighter, cloudy sky pattern painted or reflected on its surface. At the base of the pillar, the floor is a teal color with a faint, large, stylized letter 'A' visible.

АНТОН БУЛАВИН

МИРАЖИ
НА СТЕНЕ

Антон Булавин

Миражи на стене

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958628

ISBN 9785447404888

Аннотация

Наш разум постоянно балансирует между желанием взлететь навстречу мечте и страхом потерять почву под ногами. Мы жаждем чего-то нового, но боимся расстаться с завоеванной стабильностью. Бегство от действительности становится единственным способом свидания с мечтой. Но мы всегда возвращаемся в наскучивший мир, поскольку не верим настоящему в реальность нашего воображения. Но что если вера будет абсолютной? Станет ли это счастьем для всех, или картина нашего мира навсегда потеряет целостность?

Содержание

Часть первая. Версия 1.0	5
Совещание	5
Берег океана	32
Клуб	48
Пробуждение	55
Больница	62
Чукотка	75
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Миражи на стене

Антон Булавин

Дизайнер обложки Антон Булавин

© Антон Булавин, 2019

© Антон Булавин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-0488-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Версия 1.0

Совещание

Серый туман за окном похож на бездну тоски и непонимания. Кажется, если смотреть в него достаточно долго, то все мысли просто исчезнут. Не пропадут мгновенно, словно кто-то выключил свет, не взорвутся яркой вспышкой перед исчезновением, а медленно погаснут. Растворятся в серой мгле вместе с сознанием. Не будет никакой паники, никакого страха, всё произойдет тихо, буднично, как всегда. Наверное, последней мыслью станет понимание ужасной силы серого безмолвия, что неумолимо растворит саму твою сущность. Но это будет обычной констатацией факта, никаких эмоций – просто родится последняя крупинка разума и затухнет, как тлеющий фитилек. Медленно и спокойно.

Где-то за этой стеной тумана горят желтые огни окон. А на крышах работают фонари уличного освещения, натужно просвечивая лучом лишь несколько метров пространства прямо перед собой. Весь этот свет достаточно близко, но висящий в воздухе пар словно отменяет законы физики, похоже, что сама бесконечность спустилась между домами. Потoki фотонов с той стороны отчаянно пытаются пробиться сквозь мрак, но их усилия напрасны. Иногда я вижу слабое

свечение где-то в глубине этой бездны. Обреченные лучи света тысячекратно преломляются в мельчайших каплях воды, порождая сполохи самых странных оттенков.

Фиолетово-голубые, желто-серые и зеленовато-сиреневые пятна, словно отблеск неравной борьбы, символизируют очередную победу тьмы над светом. Они затухают, проиграв бой, а туман лишь становится сильнее и льется невозможными сумеречными лучами сквозь холодное стекло внутрь помещения.

Лиловый клубок дыма плавно погас, став темный пятном внутри серого мрака. Вот и еще одно сознание растворилось без остатка. Я перевожу взгляд от окна и осматриваю постепенно наполняющееся людьми помещение переговорного зала. Здесь яркие белые лампы на потолке, контрастом они только подчеркивают всю жестокость мглы по ту сторону стекла. Было бы логичнее использовать в помещении большую длину световой волны. Слегка желтоватый свет сделал бы офис теплее и уютнее. Но, по мнению директора, белое освещение лучше соответствует деловой обстановке.

Слегка ослабляю узел галстука. За весь день эта удавка мне порядком поднадоела. Но такой сегодня выпал график: встреча с представителями администрации города, которые не станут разговаривать с человеком без делового костюма; плюс непонятное заседание в конце рабочего дня, где по правилам внутреннего дресс кода не допускается свободная форма одежды.

Я сижу за дальним углом огромного стола, если считать углом полуметровое скругление. Тема совещания не была оглашена заранее. Вряд ли что-то планировалось в отношении проектного отдела, но я, на всякий случай, забился по-дальше от всех. Весь день мне приходилось балансировать на грани нервного срыва и публичная выволочка сейчас совсем ни к чему.

Заседание назначено на шестнадцать тридцать. Я, по привычке, пришел чуть раньше. Большие круглые часы над доской для презентаций уже показывают без пятнадцати пять, но зал занят чуть меньше чем наполовину.

Андрея Валерьевича это, кажется, совсем не волнует. Он сидит на дальней от меня широкой стороне стола рядом с неизвестным человеком. Одетый в ужасный бежевый костюм в клетку, человек что-то увлеченно показывает нашему директору и по совместительству собственнику на экране десятидюймового планшета. Андрей Валерьевич смотрит очень заинтересованно и периодически удовлетворенно кивает.

Примерно половина всех наших совещаний начинается подобным образом. Время начала заседаний часто не соблюдается, а директор этого не замечает, общаясь с кем-то вроде сегодняшнего неизвестного гостя. Но на вторую половину офисных сборищ лучше не опаздывать. Как правило, опоздавший не только получал публичный выговор самым жестким тоном, но и лишался премиальной части зарплаты в те-

кущем месяце.

Дабы избежать внезапного удара по личному бюджету я всегда прихожу вовремя. И постоянно удивляюсь, как большинство сотрудников нашей компании умеют разделять совещания на те, куда можно опаздывать и те, на которые опаздывать смерти подобно.

На соседний стул слева от меня плюхнулся Лёха из отдела рекламы.

– Фуух! А я уж было испугался, что опоздал, – Лёха быстро пожал мне руку.

Лёха мой единственный друг в этой конторе. Хотя нет, во всем этом городе я не могу никого назвать своим другом, кроме него. Именно он предложил мне поработать здесь и даже не побоялся порекомендовать меня руководству.

Его опоздание вполне естественно. Отдел рекламы, где трудится Алексей, имеет в штате всего одного сотрудника – его. Поэтому, абсолютно все необходимые задачи для запуска любой рекламной кампании ложатся на его сутулые плечи. Он и копирайтер, и дизайнер, и менеджер по размещению. Двенадцатичасовой рабочий день для него стал нормой. А всяческие совещания он воспринимает как кражу дефицитного времени из своего рабочего графика. Странно, что он вообще еще не свихнулся от всей этой чехарды. Надеюсь, что моя скромная помощь хоть немного позволяет ему держать себя в руках.

Как только мой собственный отдел вырос в количестве

до трех сотрудников, включая меня, я смог выделять некоторое количество времени для помощи другу. Иногда он просил меня нарисовать какой-нибудь макет для печати или рекламный баннер. Но больше он ценил креативную помощь. Чтобы поддержка друга не оказалась медвежьей услугой, я постоянно занимался самообразованием: изучал основы маркетинга и рекламы, подписывался в интернете на онлайн курсы для копирайтеров, зубрил правила продающего текста.

Все равно, мой вклад составлял едва ли десять процентов от всех Лёхиных задач. Но я был рад, что он хотя бы не ноет на работе.

Вот и сейчас, он сидит рядом со мной с всклокоченной прической и рассеянno хлопает себя по карманам.

– Лёха, ты пиджак криво застегнул, – пальцем указываю ему на проблему.

Он смотрит на меня отсутствующим взглядом, видимо, пытаюсь своим уставшим мозгом сопоставить вновь поступившую информацию с каким-нибудь рекламным текстом, прочно застрявшим в его извилинах.

– А, блин, спасибо!

Закончив хлопать себя по груди, Лёха выудил из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку и приступил к перестегиванию пуговицы.

– А это что за тип в дурацком костюме рядом с Ерёминым? – Застегивая пуговицу, Лёха исподлобья смотрит

на нашего гостя.

– Не знаю. Но, скорее всего, какой-то очередной головняк для всей конторы.

– Жаль, а я уж понадеялся, что в преддверии нового года, нас порадуют премиями и сообщат где пройдет корпоратив. Но, видимо, сегодня нас ждет очередное бестолковое обсуждение проблем без вариантов их решений.

Я пожал плечами. На самом деле, втайне я тоже рассчитывал на новогодние премии.

Лёха слегка наклонился ко мне, словно собирался сообщить о каком-то заговоре.

– Кстати, а ты никогда не задумывался: почему Валерьевич постоянно садится на середине стола, а не во главе?

– Всего один раз, когда впервые попал на совещание. Тогда я решил, что это какой-то демократичный жест, для того чтобы сотрудники чувствовали себя более раскованно.

– Такая версия имеет место быть, но нет. Я как-то обмозговал это на досуге и пришел к другому выводу.

Когда Лёха вообще успевает о чем-то думать кроме работы?

– И к какому?

– Это комплекс бога.

– Что? Комплекс бога?

– Ну да. По сути, он также сидит во главе стола, с двух сторон окруженный своими соратниками. Теми, кто, по его мнению, напрямую связан с поступлением денег в компа-

нию. По правую руку от него садятся менеджеры по продажам, по левую, финансовый директор и бухгалтерия.

– Соратники? Какие к черту соратники? Здесь поголовно одни наемники. Все просто работают за деньги. Даже не так: ради денег.

– Смысл не в том, как все обстоит на самом деле, а в том, как он это воспринимает. Мне кажется, он считает, что в такой расстановке сидячих мест есть нечто библейское.

– Лёха, ты случайно ничего не начал курить из-за своей сумасшедшей работы?

– Ну, апостолы же. Что не допер? – Лёха слегка усмехнулся на мой вопрос, – Я же говорю: комплекс бога. Точнее, сына бога. Сидит такой и думает что он Иисус на тайной вечере.

– Лёха, не мори, – я закрыл лицо ладонью, чтобы никто не увидел, как я покраснел, пытаюсь удержать в себе смех, – Тебе явно пора в отпуск.

В зал вошла колонна серьезных бухгалтеров. Они друг за другом, странно, что не в ногу, степенно и никуда не торопясь проследовали через зал к противоположной от нас стороне стола. Показывая каменными лицами всю тяжесть несомого ими груза титанической ответственности за судьбу мира, они обошли Ерёмину и сели от него по левую руку, оставив между ним и своим отделом одно пустое место. Правообладатель этого стула не заставил себя ждать. Сухая высокая женщина, шагнула в зал, и её строгий взгляд побегал по лицам, словно выискивая главных растратчиков бюджета.

– Здравствуйте, Татьяна Георгиевна, – почтительно кивнул Андрей Валерьевич. Дефиле финансового директора он не мог оставить незамеченным.

Последними в зале появились представители отдела продаж. В отличие от бухгалтеров, они шли хаотичной гурьбой, да еще и весело смеялись, увеличивая вокруг чувство зависти к столь безмятежному отношению к работе.

Пока веселые парни и девушки шумно двигали стулья, решая, кто и в каком порядке сядет по правую руку от директора, я осмотрел свою сторону стола. Обмениваясь репликам с Лёхой и разглядывая входящих «апостолов», я и не заметил, что все места за столом уже заняты.

Забавно, что напротив «денежных» должностей сидели люди затратных профессий: снабженцы, логисты, сотрудники отдела персонала и мы с Лёхой. В общем, все «проедатели бюджета», как за глаза называет нас Татьяна Георгиевна. Мы все в этом зале будто противостоящие стороны на переговорах. Вот только роль человека в клетчатом костюме до сих пор не ясна.

– Ну что же, – Ерёмин громко хлопнул двумя ладонями по столу, – Раз все собрались, не вижу смысла откладывать. Приступим. Михаил, твой выход.

Услышав свое имя, пиджак-клетка, впервые за все время, оторвался от планшета и обвел взглядом всех собравшихся. Я с интересом рассмотрел его необычное лицо. Массивная челюсть и высокие скулы, вкупе с очень близко посаженными

ми глазами выглядели весьма агрессивно. А маленькие оттопыренные уши придавали его облику нотку комичности. Такой типаж скорее ожидаешь встретить в бандитском притоне, чем за столом переговоров. Ему бы ботекс накачать в надбровные дуги и можно сниматься в доисторических фильмах без грима.

Закончив изучать окружающих, Михаил резво соскочил со стула, выудил из кармана пиджака маленький пульт и махнул им в сторону висящего под потолком проектора.

Не дожидаясь нагрева проекционной лампы, он зашагал в сторону доски для презентаций, попутно постукивая пальцами по планшету, видимо устанавливая беспроводную связь. Развернувшись по-солдатски возле доски, что должна была исполнить роль экрана, Михаил улыбнулся Ерёмину:

– Андрей Валерьевич, представьте меня, пожалуйста.

– Эм, – наш директор видимо считал свою миссию исполненной, поэтому слегка замялся, – Это Михаил, профессиональный маркетолог. Он провел аудит продвижения нашего бренда и продукции и теперь готов обозначить проблемы и предложить решения.

– Я не понял, – прошептал Лёха, повернув ко мне свое растерянное лицо, – Коля, что это за хрень?

– Спокойно, Панов, – я потрепал его по плечу, – У шефа просто очередной бзик. Давай послушаем, что скажет этот фронт. Не думаю, что он предложит что-нибудь существенное.

– И так, господа. Как уже сказал Андрей Валерьевич, я провел тщательное исследование рекламных кампаний вашего продукта и могу сказать, что результаты весьма удручающие.

А вот это уже серьезный камень в огород рекламного отдела. Плечи Алексея после фразы сказанной Михаилом еще больше ссутулились, и кажется, даже уши как-то скорбно опустились. Во всяком случае, так мне показалось со спины.

– Основная проблема в том, – продолжал Михаил, – Что ваш бренд абсолютно неизвестен потребителю. По данным проведенного мной опроса, ноль респондентов знает о вашем существовании. Ноль, это не просто цифра в отчете. Ноль, это полный провал!

После этой фразы, Ерёмин бросил на Лёху уничижающий взгляд. Панов непроизвольно съехался и немного сполз по спинке стула. Ткань его пиджака, сцепившись трением с обивкой стула, притормозила сползание верхней одежды вниз. Было похоже, будто Лёха пытается спрятаться внутри своего костюма.

А вот мне стало интересно, каких таких потребителей опрашивал этот «маркетолог».

– Но рано посыпать голову пеплом, – Михаил выпятил грудь вперед, – Я взял на себя все трудности по исправлению вашей некомпетентности.

Какой неприкрытый снобизм! Дескать, вы тут все дураки и ни фиги не делаете, но не волнуйтесь, сейчас умный чело-

век все исправит.

– Время спокойной рекламы с распределенным бюджетом для нашей компании безвозвратно упущено. Теперь мы можем заявить о себе лишь взрывным методом.

Интересно, когда это нанятый со стороны человек начал считать себя частью компании?

– Мы должны быть во всех и сразу рекламных носителях, – Михаил поднял растопыренную ладонь и стал загибать пальцы, – Баннеры, растяжки, бесплатные газеты с объявлениями, «раздатки», реклама на радио и телевидении, даже интернет, в конце концов.

«Даже интернет»? Он что издевается? Единственный эффективный рекламный инструмент, в нашем случае, он поставил в конец списка? И что значит «интернет» в его понимании? Мы постоянно размещаем рекламу в поисковых системах, контекстную в том числе.

– В интернете нам нужно найти абсолютно все сайты соответствующие нашей тематике и разместить на них анимированные баннеры.

Мне кажется, что Михаил просто бредит.

– Кончено, фронт работ настолько огромен, что сам я никогда не справлюсь с таким объемом. Поэтому мы с Андреем Валерьевичем и собрали вас всех здесь. Сейчас мы должны сплотиться вместе, как одна команда, как единый организм, чтобы разделить бремя этой задачи на всех.

После этих слов о командной работе, по лицам бухгалте-

ров промелькнула тень недоумения и легкого недовольства. Они явно не собирались участвовать ни в каких рекламных кампаниях.

– Но это еще не всё! – Михаил важно выставил вверх свой указательный палец, – Есть еще второе, не менее важное направление рекламы. Если то, о чем я говорил только что, можно назвать внешней рекламой, то другой фронт работ это реклама внутренняя.

«Фронт, фронт, сплочение». Он нас на войну собирает что ли?

– Первая задача внутренней рекламы, это создание культа продукции внутри компании. Каждый сотрудник должен искренне полюбить то, что производит его родная фирма. Полюбить сильнее, чем жену и детей. Сильнее, чем бога и родину.

Он это серьезно? Он хочет разрушить личные системы ценностей? Хочет из коммерческой структуры сделать секту? Как вообще можно навязывать любовь? Почему сотрудники должны любить продукцию сильнее близких людей? А если бы мы производили навоз? Нет, он точно шизофреник.

Каждый раз, когда выступающий придурок говорил очередную глупость, Лёха сжимал кулаки и подавался вперед. Казалось, сейчас он не выдержит и заткнет фонтан идиотии. Но, прежде чем сделать это, он бросал беглый взгляд на удовлетворенно кивающего директора и его раж сразу сходил

на нет.

– Вторая задача, это продвижение продукта среди существующей клиентуры. Речь идет не только о новых разработках, но и о дополнительных указаниях на плюсы уже существующих товаров.

Наверное, это его единственная здравая мысль за всё выступление. Вообще-то, Лёха уже пытался внедрить подобный проект через отдел продаж. Но нашим продавцам не нужны лишние заморочки, а Ерёмин тогда просто отмахнулся от рационального предложения. А вот сейчас, из уст напыщенного индюка, который наверняка выставит солидный счет за свои услуги, это для директора звучит как откровение.

Лёха больше не сжимает кулаки. После последнего предложения Михаила, он выглядит как боксер, получивший нокаутирующий удар. Лицо Панова сейчас выражает крайнюю степень растерянности и беспомощности. Один раз он повернулся ко мне и просто посмотрел глазами полными непонимания.

– Для наглядности, я подготовил презентацию, которая будет представлена инженерам наших клиентов сразу после новогодних праздников.

Чем чаще Михаил повторяет производные местоимения от «наш», применительно к компании, продукции, а теперь и клиентам, тем охотнее хочется верить, что он уже действительно часть нашего рабочего коллектива. Похоже, что Ми-

ша опытный манипулятор, хоть и дурак.

– Внимание на экран, – Михаил запустил с планшета на проектор какие-то картинки.

Андрей Валерьевич дважды хлопнул в ладоши, и свет стал немного приглушенным.

– Также, как я планирую сделать во внешней рекламе, во внутренней, я делаю упор на миссию компании, – на экране появился слайд с каким-то текстом, который мне вовсе не хотелось читать, – Миссия должна стать общим стержнем коллектива, своей собственной идеологией, которую мы будем навязывать нашим клиентам и потенциальным покупателям.

А кто воспротивится – расстреливать?

Какую бы то либо заинтересованность в картинках на экране, проявлял только Ерёмин. Алексей так и вовсе понуро смотрел на лакированную столешницу.

Михаил тем временем продолжал листать слайды, попутно комментируя изображения. Слишком много слайдов, слишком много текста. Отвратительная презентация. А ведь это еще только миссия, до продукции он даже не дошел.

– И теперь, в качестве перехода от мисси к товарам один слайд, – Миша словно услышал меня.

«Мы занимаемся производством светодиодного оборудования».

Начало текста на этом слайде окончательно убедило меня в Мишиной некомпетентности. Но его снобизм и самоуве-

ренность придавали ему вид профессионала.

Михаил что-то бормотал, показывая слайды с продукцией, которые просто были содраны с электронного каталога.

А Лёха тем временем принимал все более грустный вид. Кажется он уже не способен аргументировано возражать этому выскочке, особенно на фоне поддержки того директором. Возможно, он уже перебирает в памяти всевозможные новые места для трудоустройства.

Подавляющее большинство присутствующих на совещании, в принципе не понимало что происходит, считая, что раз человек официально представлен руководством и говорит уверенно, то значит все правильно.

Но меня в корне не устраивала такая ситуация. Очевидно, что Ерёмин каким-то образом попал под влияние Михаила-прохвоста и поскольку сам ни черта не понимает в маркетинге и рекламе, то сейчас твердо уверен в том, что его отдел рекламы недорабатывал. Бросать друга в такой ситуации я не намерен и дам серьезный отпор Михаилу, как только он закончит выступать.

– Ну, вот в принципе и все, что я хотел показать и сказать, – Михаил закончил показ презентации как раз к пику моего возмущения, – У кого-нибудь есть вопросы?

Андрей Валерьевич хлопнул в ладоши и как только включилось освещение, хищно посмотрел на Лёху. Поэтому он удивился, увидев, что Алексей не собирается спорить, а с поднятой рукой сию я.

– Николай? У тебя есть вопросы? Хорошо, тогда ты начнешь.

И закончу весь этот цирк.

– Да, хм, Михаил, – я нарочно придал себе несколько неуверенный вид, – Извините, может я не расслышал, может, вы и не говорили. Но мне крайне интересно, в какой подворотне вы получили диплом маркетолога? Кстати, у вас вообще есть подобное образование?

– Николай?! – Ерёмин удивленно возмущился, – Ты чего?

Я выставил в его сторону ладонь и успокоительно кивнул, типа: «Нормально, все под контролем». Этот жест явно нарушал субординацию, но, как ни странно, сработал. Андрей Валерьевич лишь вопросительно посмотрел на Михаила, мол: «Давай, возражай».

– Вообще-то, мы здесь собрались для всестороннего обсуждения задачи, а не для выслушивания личных оскорблений, – на Михаила явно не подействовал мой выпад, – У вас есть какие-то сомнения в моем профессионализме? Прошу ваших аргументов.

– Самый главный аргумент, это то, что весь ваш доклад абсолютный бред сивой кобылы, – нужно было действовать тоньше, но я уже завелся, – Но я легко могу разложить свое утверждение на составляющие доказательства.

– Будьте любезны, профессионалам всегда интересно мнение со стороны.

Мнения со стороны?! Дать бы тебе по наглой морде! Но,

как говорится: «Это не наш метод».

– Михаил, я восхищаюсь вашим профессиональным снобизмом, – ехидно улыбаюсь, глядя на него, – Но сейчас оставляю его за рамками обсуждения, так как время совещания ограничено.

Михаил сложил руки на животе, приняв расслабленную, но, тем не менее, защитную позицию, а я продолжал наступление.

– Начнем с вашего опроса. Он содержит данные о местах работы респондентов? Можете не отвечать, поскольку это не имеет значения. Наша продукция не ориентирована на конечного потребителя. Мы выпускаем осветительное оборудование для заводов, офисов и муниципалитета. Нашими прямыми клиентами являются закупщики и инженеры, еще возможно завхозы. Сколько профессий, мною перечисленных, попало в ваш опрос? Не знаете? А я скажу: ноль! Ведь именно эта цифра значится главной в графе «итога». Вы опросили людей, не определив нужную аудиторию, поэтому цена вашего опроса – ноль.

– Вы аргументируете свободными понятиями, без каких либо данных.

– Неправда, я опираюсь на ваши данные. Вы же не будете их оспаривать?

– Вашими умозаключениями вы попираете основы маркетинга! – Михаил решил не сдаваться без боя.

– Основы маркетинга, это поиск или создание потреби-

тельских ниш. И, тем не менее, вы проводите такой бездарный опрос. Это все равно, что опрашивать пенсионерок у подъезда о марках скейтбордов или моделях видеокарт.

Михаил грозно сверкнул взглядом, сравнение всегда бьет в цель и возразить ему нечего. Поэтому, он попытался завершить наш диалог, дабы выйти из спора с минимальными последствиями.

– Вы прекрасный спорщик, я вам аплодирую, – только хлопнуть в ладоши он не спешил, тем более, что это могло вызвать весьма комичную ситуацию с освещением, – Я обязательно учту ваше мнение, и раз вы закончили...

– Отнюдь, я только начал. Ведь по итогам вашего так называемого опроса, вы предлагаете растратить уйму средств компании на ненужную рекламу. Бесплатные газеты? Их вообще кто-то читает?

– Думаю да, – Миша поплыл и начал терять уверенность.

– Вот лично вы их читаете?

– Нет, но...

– Да никто их не читает, особенно люди ответственные за закупки на крупных предприятиях. А вы предлагаете тратить деньги на эту ерунду.

– Ну, хорошо, возможно с газетами я погорячился, но...

– Дальше: радио и телевидение. Это буквально как из пушки по воробьям. Вы хотите потратить средства компании на аудиторию, где целевая группа вряд ли составляет одну десятую процента? Вам не кажется, что такой подход

излишне дорог? Особенно, если учитывать стоимость такой рекламы.

Говоря свою речь, я постепенно продвигался вдоль стола к доске, где Михаил уже выглядел несколько опешившим и явно не желал моего приближения. Я уже прошел середину круга « совещающихся » и не видел реакции Ерёмина на мои слова, но судя по тому, какой взгляд кинул на него Миша после моих слов о растрате бюджета, он явно недоволен.

– Баннеры, растяжки – всё из той же оперы, немного дешевле, но все равно бессмысленно.

– А как, по-вашему, тот же закупщик должен узнавать о вашем продукте?

Надо же, как быстро наши стали вашими.

– А я расскажу как. Вы просто представьте себя на месте гипотетического снабженца, у которого есть задача купить осветительное оборудование, не покидая офиса. Что вы делаете первым делом?

– Напишу запрос в поисковике, – полувопросительно ответил Миша. Он уже полностью включился в игру, которую веду я.

– Бинго! И эта здравая мысль проскакивала в вашем докладе, правда под собирательным образом «интернет». И даже в этом правильном предложении я усмотрел сомнительные по эффективности методы. Такие, как размещение анимированных баннеров на тематических сайтах.

– И почему же они сомнительные?

– Вернемся к нашему гипотетическому снабженцу, который уже набрал в строке необходимый поисковый запрос. И получил множество ссылок на сайты, включая наш собственный. Так скажите мне, зачем тратить дополнительные средства на размещение баннеров у посредников, если мы уже есть в первой инстанции?

– Ну да, логично, – Миша даже стал соглашаться со мной.

– Получается, что в нашем случае единственным эффективным инструментом рекламы является размещение в поисковых сервисах. И, о чудо! Наш рекламный отдел уже плотно этим занимается!

– А вы, я так понимаю, представитель этого отдела?

– Увы, нет. Я представляю отдел проектов. Просто я решил некоторым образом защитить вас от уничижающей критики специалиста по рекламе и поэтому обозначаю проблемы самостоятельно.

Я уже стою у самой доски и при слове «проблемы» громко стучу пальцем по её поверхности. Надеюсь, что к этому моменту Лёха собрался и принял грозный вид, более подходящий ситуации.

– Ну что же, спасибо за вашу критику. Если вам нечего добавить...

– Пожалуйста. А сейчас я хочу добавить пипетку меда в ведро вашего дегтя.

– Что простите?

– Я про внутреннюю рекламу. Отличная идея. Нет, я

не про навязывание идеологии, способной войти в конфликт с жизненными ценностями и приоритетами любого человека, это как раз полная чушь. Я про то, что следует более плотно работать с уже имеющимися клиентами. Отдел рекламы как-то пытался протолкнуть эту тему, как говорится, изнутри. Но, к сожалению, не был услышан. Спасибо вам, что вытащили эту замечательную идею на общем совещании.

Тут я, скорее всего, перегнул палку. Тыкать руководство носом в их собственные ошибки не самая разумная мысль. Но отступать уже поздно.

– Повторюсь, идея сама по себе отличная, но вот методы её исполнения, увы, на самом низком уровне. Я про вашу презентацию, если вы не поняли.

– Ну, и что же с ней не так, – Михаил снова выпятил грудь, – Сможете и здесь указать на неточности?

Видимо, Михаил абсолютно уверен в своих способностях копирайтера. Придется спустить бедолагу на землю.

– Неточности? Конечно, я дойду и до них. Но, сперва, я хочу пройтись по самой структуре. В существующем виде презентация не презентационна, уж простите за каламбур. Дело в том, что большинство людей хорошо воспринимают и запоминают лишь три блока информации. Я не буду сейчас это доказывать, поскольку сей научный факт, вы можете найти в онлайн энциклопедии. В предложенной вами версии, презентация представляет собой бесконечный набор текста не разбитый на логические блоки. Как вы вообще хотите,

чтобы эта информация была понята?

– А как вы собираетесь разбивать миссию компании на блоки?

– Миссию? А зачем она вообще нужна в презентации?

– Как так зачем? – Возмущенно крикнул со своего места Ерёмин.

Михаил благодарно кивнул ему, но я решил не упускать инициативу.

– Вы уж меня простите, Андрей Валерьевич, миссия компании конечно важна, – я развернулся в сторону директора, – Но она важна только для сотрудников компании, а всем нашим клиентам на неё наплевать. Всё что интересует клиента, это деньги: прибыль, экономия и так далее. Миссия поставщиков, даже если она призвана нести мир во всем мире, никого не интересует ни с какой стороны. Что уж тут говорить об инженерах, им вообще только технические факты подавай.

Я снова повернулся к Михаилу.

– Кстати о фактах. В вашей презентации я не увидел ни одного. Где указание на энергоэффективность, затраты на обслуживание и сроки работы? Кстати, вот вам и три смысловых блока, на которые следовало разбить презентацию.

– Вообще-то, презентация набита техническими фактами.

– В том-то и дело, фактами набита, а выводов ни одного. Зачем показывать инженерам странички из каталога? Может

просто сразу раздать им эти каталоги и пусть изучают в рабочее время? А вот презентация и нужна для того, чтобы выводами обратить внимание на факты и пускай аудитория эти факты изучает самостоятельно.

– Замечательно изложено, я учту это в следующий раз.

Он что действительно считает, что еще может состричь бабла с нашей конторы? Следует добить негодяя, окунув его в его же ошибки.

– А сейчас, я перейду к неточностям. Честно говоря, мне лень разбирать весь текст на составляющие, но одну неточность я всё же укажу. «Мы занимаемся производством светодиодного оборудования», вас ничего не смущает в этой фразе? Считаете, что правила сильного текста здесь не нарушены?

– Сильного текста? О господи, прекратите нести ересь. Вы что приверженец словесного фен-шуя? Какой еще к чертовой матери «сильный текст»?

Наконец-то я разозлил его, это хорошо.

– Печально, что вы этого не знаете. Но специально для вас я расскажу. Дело в том, что лучше всего мозг человека воспринимает прямую конкретику. Любая необходимость анализировать информацию, делает утверждение слабее. Правила сильного текста нужны для создания конкретных тезисов.

– Ну и какая же слабость в этой фразе?

– В слове «занимаемся». Зачем оно вообще? Ведь зани-

маться производством, это еще не значит производить.

– Вы слишком утрируете. В данном контексте слово «занимаемся» нужно для мягкости фразы.

– Мягкости? И это вы меня обвиняете в «словесном фен-шуе», что бы это ни значило? Хорошо, я приведу вам простой пример. Представьте, что некий мужчина решил рекламировать свои сексуальные услуги и дает объявление следующего содержания: «Я занимаюсь сексом».

Поворачиваюсь к залу и делаю широкий жест рукой, предлагая всем присоединиться к обсуждению.

– Дамы, скажите мне, кого-нибудь из вас могло бы заинтересовать такое рекламное объявление?

Дамы скромно покраснели. Кто-то тихонько захихикал.

– Все занимаются сексом, – неизвестная мне, очень смуглая девушка откликнулась на предложение вступить в дискуссию, – В этом нет ничего уникального. Больше похоже, что мужчина хвастается, а не предлагает услуги.

– Абсолютно верно!

Странно, почему я не знаю кто эта девушка? Точно могу сказать, что вижу её впервые, но едва взглянув на неё, я испытал легкое ощущение дежавю, словно видел её когда-то очень давно, или очень далеко, не знаю.

Сексом занимаются все, – показав девушке поощрительный жест открытой ладонью, я вернулся к нашему барану, – Девушки не дадут соврать. И этому мужчине следовало бы указать на результат, а не на процесс. То есть, его объявление

должно звучать так: «Доставляю оргазмы». И вот клиент уже знает чего ожидать от услуги. К сожалению, мы не можем доставлять оргазмы нашим клиентам, но мы можем производить, а не только «заниматься». Поэтому: «Мы производим светодиодное оборудование». Только так, и никак иначе.

Я шумно выдохнул и ободрительно посмотрел на Лёху. Панов сидит красный как рак, видимо ему стало стыдно, что я его защищаю, дискутируя с этим типом вместо него.

– Слава богу, вы закончили меня оскорблять, – наверное, я выдержал слишком длинную паузу и Михаил решил, что я сказал все что хотел, – Вернитесь на свое место, хватит, попросту сотрясать воздух.

– Михаил, но вы не ответили на мой вопрос.

– Какой вопрос?

– В какой подворотне вы учились маркетингу?

– Николай! Немедленно прекратите! – Подал голос Андрей Валерьевич.

– Слушай, ты уже окончательно перегнул палку, – Миша подошел ко мне вплотную и буквально прошипел это, глядя на меня снизу вверх.

– Молодые люди, успокойтесь, – я не заметил, как смуглая незнакомка подошла к нам.

Она ухватила за мое плечо чуть выше локтя и таким же образом взялась за руку Михаила. Этот неожиданный физический контакт будто парализовал меня. Напряжение, kloкочущее во мне все последние минуты, резко пошло

на убыль. Кажется, с моим оппонентом происходит тоже самое. А девушка продолжала говорить, очень четко проговаривая все буквы в словах.

– Николай, несомненно, вы говорите очень правильные вещи, но совсем нет повода для возмущенного тона. И уж точно нет повода переходить на личности. Помните, что вы на работе и просто решаете рабочие вопросы. Всё это абсолютно не касается жизненно важных проблем, поэтому не стоит так кипятиться. Холодный рассудок позволяет решать задачи. А возмущение, только создает проблемы.

Легким кивком я согласился с ней. Действительно, слишком уж я распалился. Кстати, похоже, что слово «кипятиться» далось ей с трудом. Она иностранка, отлично знающая русский?

– Михаил, а вам следует спокойней относиться к критике, ведь вы опытный оратор и просто обязаны держать психологическое давление. Уверена, в спокойном тоне вы легко могли найти несколько возражений на аргументы Николая.

«Опытный оратор», это она здорово сказала. Он именно оратор, профессиональный запудриватель мозгов аудитории, но, ни какой не маркетолог.

– Давайте сейчас вернемся на свои места, не будем задерживать совещание.

Покорно, словно приученный пес, я двинулся к своему стулу на дальнем углу стола. Михаил в свою очередь не спешил занимать место рядом с недовольным его выступлением

директором.

– Я, в принципе, закончил свой доклад. К сожалению, меня поджигает время. Поэтому прошу прощения, я вынужден удалиться.

Он чуть ли ни бегом выскочил из зала. А я устало плюхнулся на свой стул, где уже взбодрившийся Лёха ткнул меня кулаком в плечо.

– Коля, молорик, здорово размазал хлыща.

– Угу, – по окончанию спора я чувствовал полный упадок сил и не мог радоваться своей победе, – Вот только Ерёмина я разозлил, похоже.

Несколько минут весь зал сидел в относительной тишине, какая только возможна при большом скоплении людей. Кто-то тихо перешептывался, кто-то внимательно изучал свой телефон. В помещении от всего этого генерировался легкий шумовой фон, в обычной офисной обстановке это вполне можно считать тишиной.

Андрей Валерьевич задумчиво крутил в руках шариковую ручку и не спешил объявлять следующую тему совещания. Затем он резко встал и суровым голосом разрезал тишину.

– Совещание окончено, можете расходиться, – он бросил на меня короткий взгляд, – Смирнов, ко мне в кабинет.

Берег океана

Уже почти восемь часов, а я только вышел из офиса. Сегодня достаточно теплый вечер для зимы. Но сырость, висящая в воздухе, пробирает до костей. Поежившись, я застегнул куртку. Позади меня хлопнула входная дверь.

– Коля, подожди!

Запыхавшийся Алексей бежал за мной, застегивая на ходу свой пуховик.

– Ну, как все прошло с Ерёминым?

– В целом неплохо, во всяком случае, лучше, чем я ожидал. А ты чего еще не дома?

– Ждал, когда закончится твой разговор с директором. Переживал, что он может уволить тебя или оштрафовать.

– У него действительно были такие варианты. Но спасибо этой смуглой девушке Миле, которая почему-то присутствовала при нашей беседе и усиленно сглаживала последствия конфликта. Я, кстати, пытался заглянуть в твой кабинет, но у тебя было закрыто.

– Я в отделе персонала сидел. Сильно нервничал и не мог находиться один. Девчонки поили меня чаем и успокаивали всякими байками. А знаешь, какое полное имя у этой Милы?

– Разве Мила не полное имя? Милана что ли?

– Ты офигеешь! Милагрос!

– Её мама была без ума от латиноамериканских сериалов?

– Нет, оказывается она наполовину доминиканка. С пятнадцати лет живет в России. Имеет два высших образования: историческое и психологическое. К нам устроилась на этой неделе. На должность медиатора. Ну, это такие люди...

– Я знаю, помогают разрешать споры и конфликты. Но я всегда думал, что это для внешних отношений, типа, досудебных разбирательств между компаниями.

– Оказывается не только. Конфликты внутри коллектива тоже их специальность.

– Ясно, ну что же, могу признать, она справилась отлично. Я все еще работаю в этой компании и даже не лишен новогодней премии.

– О, так значит, премия все-таки будет?

– Да, притом, в два раза больше обычной. Ерёмин сказал, что решил в этом году отказаться от корпоратива, а сэкономленные средства пустить на премии.

– Да, про корпоратив я уже разузнал в отделе персонала. Кстати, завтра пятница и девчонки предложили устроить свой собственный праздник. Можно сходить в какой-нибудь клуб. Ты участвуешь?

– Конечно, хочу проставиться этой Милагрос, за свою спасенную шкуру.

– Приглянулась тебе смуглянка?

– Увы. Не мой типаж.

– Понятно, – Лёха тяжело вздохнул, словно был разочарован моим ответом, – Опять небо упало на город.

У Панова так бывает. Резкая смена темы разговора вполне в его духе. Но в отличие от тех людей, что просто скачут с темы на тему, выуживая из своей памяти любые факты, лишь бы не останавливать беседу, Лёха делал вставки лишь из внешних наблюдений и только тех, что считал красивыми. В этой его привычке больше всего мне нравилось то, что он достаточно поэтично формулировал свои мысли. Как и сейчас, не «погода дрянь, всё тучами затянуло», а «небо упало на город».

Я посмотрел вверх. Небо не просто упало, оно давило на крыши домов всей своей огромной массой. Казалось, что хрупкие коробки зданий не смогут долго выдерживать это давление и как только они рухнут, город будет заполнен свинцовой небесной ватой.

– Тебя подвезти? – Отвлекшись от созерцания серого неба, я предложил Лёхе с комфортом добраться до дома.

– Нет, спасибо, – после небольшой паузы ответил Панов. Наверное, опять задумался о какой-то рекламной концепции, – Я на метро быстрее доберусь, чем с тобой по пробкам. Да и тебе не придется делать лишний крюк.

– Ну, тогда пока! До завтра!

– Пока, – Лёха пожал протянутую мной руку, – Только не забудь, завтра после работы идем в клуб, оденься сразу как-нибудь соответствующе.

– Хорошо.

Лёха поднял колпак и, сунув руки в карманы, быстро по-

бежал в сторону станции метро. Полминуты я смотрел на его удаляющуюся фигуру, съезжившуюся от промозглого ветра, забыв, что мне тоже нужно ехать домой.

Вырвавшись с офисной парковки через серый отвал грязного снега и льда, которым снегоуборщик перекрыл выезд на дорогу, я вдавил акселератор, надеясь, что после часа пик пробки успели рассосаться.

Но, более-менее в свободном трафике удалось проехать лишь по прилегающей улице. Выезд на главную дорогу напомнил мне, что в преддверии нового года автомобильные заторы образуются круглосуточно.

Постоянно трогаясь с места и тормозя, я медленно двигаюсь в плотном потоке машин. Звуки клаксонов сливаются в один дрожащий нервный гудок. Наверное, мне никогда не понять тех людей, что постоянно сигналият, злобно вдавливая мягкую клавишу в рулевое колесо. Также и они никогда не поймут, что в пробках звуковой сигнал не позволяет ехать быстрее.

После очередного торможения, сильно тру глаза. Монотонность движения вводит меня в некое подобие транса. На фоне усталости так недолго и заснуть ненароком.

Да, день сегодня выдался изматывающий. С самого утра я просмотрел кучу заявок на новые проекты, больше половины которых отправил обратно по отделам с визами о несоответствии технического задания установленному формату. Это конечно полный бюрократизм с моей стороны, но только

так можно успевать обрабатывать те задания, что составлены как надо. Тем более что большинство отклоненных заявок никогда не поступят вторично, поскольку их составил кто-то настолько некомпетентный, что выполнение этого проекта в принципе бессмысленно. А потом, эти олухи не захотят тратить свое бесценное время на выполнение требований проектного отдела.

Затем, я сломя голову неся через полгорода, чтобы успеть на встречу с представителем администрации, курирующего мой проект по освещению исторических зданий и современных культурных объектов. Полтора часа этот чудила листал спецификации и сметы, по сути, не понимая в них ни одной цифры. Все это время он прозрачно и не очень намекал мне на необходимость отката в его собственный карман. А я старательно строил из себя дурачка, решительно непонимающего никаких намеков. Несколько раз я напоминал чиновнику, что весь проект одобрен и подписан на самом вер-ху, что стоимость работ и оборудования полностью соответствует заявленному в тендере прайсу. В конце концов, мое упорство было вознаграждено, и куратор подписал все бумаги с явно расстроенным видом.

Возможно, будучи собственником бизнеса, я бы пошел на нечестную сделку с коррупционером, лишь бы не тратить лишнего времени. Но, в моем случае, была возможность предложить ему лишь проценты с прибыли, которые с огромным трудом я выбил для себя у Ерёмина. Вряд ли эти

деньги впечатлили бы представителя администрации, едущего на «Брабусе» с личным водителем. А вот мне они очень важны.

Бросив свой родной город ради мегаполиса, я, как настоящий провинциал, зубами цеплялся за все возможности заработать на свое собственное место под солнцем. Но меняя места работы, идя на повышения зарплат, всё никак не мог получить доход, превышающий текущие расходы.

А затем Лёха помог мне получить место в этой компании. Да, зарплата выросла еще раз, но все равно недостаточно. Тогда я решил пойти по пути «вытягивания» финансов из вселенной: получил ипотеку, взял в кредит автомобиль и едва не стал жертвой своего собственного финансового кризиса. Два года я минимизировал расходы на самого себя, экономя на всем: еде, одежде, развлечениях. И два года, помимо основной работы, трудился над своим проектом, добиваясь, чтобы моя концепция освещения зданий была наголову выше всего уже существующего. Я хотел вывести простое подсвечивание стен на уровень настоящего искусства. Игра света должна была воздействовать на эмоции, заставлять восхищаться изяществом архитектуры, восторгаться монументальностью постройки и гордиться тем, что в нашей стране есть такие памятники культуры.

У меня получилось. Я создал шедевр. Но оказалось, что продать проект еще сложнее, чем придумать. Работники отдела продаж не захотели что-то менять в устоявшейся систе-

ме и отказались мне помочь. Примерно по тем же причинам от моего проекта отмахнулся и Андрей Валерьевич, посчитав, что с ним мороки больше, чем дохода. Единственное, чего я смог добиться от директора, это разрешение выставить мой макет на стенде компании на ближайшей выставке.

И удача улыбнулась мне. Буквально счастливый случай занес очень важную шишку из администрации в дальний конец павильона, где располагался наш стенд. И чудо, что этому человеку было не чуждо чувство прекрасного. Он был восхищен моим решением задачи и сразу предложил оформить в таком стиле несколько объектов.

Ерёмин сразу сменил свое мнение относительно моего проекта, когда увидел сумму заявки от администрации. Но он оказался очень опытным переговорщиком, а я был слишком окрылен эйфорией успеха, чтобы разглядеть все подводные камни. В итоге, вся реализация проекта легла на мои плечи. От полных разработок конкретных макетов, переговоров с представителями администрации, до найма монтажников, составления сметы и ведения бюджета.

Со стороны компании мне было предоставлено лишь осветительное оборудование и услуги бухгалтерии. Но я был счастлив, ведь получая с этого проекта проценты от прибыли, смог сразу в несколько раз увеличить свой личный бюджет. Получилось выплатить остаток кредита за автомобиль. А ежемесячные платежи по ипотеке стали для меня не более обременительны, чем оплата коммунальных услуг.

Я смог позволить себе сделать в квартире отличный ремонт и укомплектовать свое холостяцкое гнездо отличной домашней техникой.

Спустя год проектных работ для города, появились подражатели. И мне пришлось познать все прелести конкуренции. Как ценовой, так и коррупционной. Пришлось прилагать больше усилий, для разработки проектов, искать новые решения, придумывать изюминки. Получение контракта превратилось в нервное участие в тендерах. Где нужно было четко доказать все преимущества проекта, включая экономические показатели.

Понимая, какую долю годового оборота составляет мой проект, Ерёмин позволил мне увеличить штат отдела, наняв двух помощников. В итоге, работы стало больше, прибыль осталась прежней, а я вдруг внезапно осознал, что достиг своего потребительского потолка.

Квартиру купил, машина меня вполне устраивает, я удовлетворяю все свои финансовые потребности, а яхта в Средиземном море мне не нужна. Оказалось, что мне нечего больше хотеть.

После этого психологического перелома, каждый рабочий день для меня из времени творения превратился в принудительную пытку. Каждое утро я заставлял себя идти на работу и на своем рабочем месте буквально принуждал свой мозг концентрироваться на задачах. В определенный момент времени я понял, что больше всего люблю ничего не делать. Со-

здание осветительных шедевров превратилось для меня в рутину, а финансовая мотивация снизилась ниже плинтуса. Я действительно стал ценить моменты отдыха. И начал любить лениться. Мне даже стало лень развлекаться, поскольку развлечения требуют определенных эмоциональных и физических усилий.

Хуже того, одиночество стало самым привычным состоянием. Если раньше мою квартиру часто посещали девушки, а некоторые из них даже задерживались на какое-то время. То сейчас мне стало лень пошевелиться даже ради секса. Я анализировал этот факт и пришел к выводу, что слишком устаю на работе. Мне даже было лень найти более подходящее оправдание для лени.

В итоге, моим самым любимым занятием стало лежание на диване перед телевизором с отсутствующим взглядом, ну и еще бессмысленное разглядывание стен. Но человеческий мозг очень странный орган. Он не терпит долгой прокрастинации и творческая составляющая сама находит выход. В моем случае этим выходом стали грёзы, которым я предавался по вечерам.

В последнее время, мне стало нравиться убегать от реальности. Просто забраться под одеяло напротив телевизора в своей холостяцкой квартире, выключить звук трансляции и смотреть на мерцающие блики чуть выше экрана. Часто, эти цветные пятна складываются в картинки тех далеких мест, где я хотел бы побывать: тропические острова, горные

деревушки или лесные опушки. И во всех моих грёзах всегда лето, всегда тепло. Можно почти физически ощутить комфортное состояние от погружения в мечты, и на душе становится очень спокойно и легко.

Впереди идущая в потоке машина резко затормозила. Спohватившись, я резко вдавил педаль тормоза в пол. Мой автомобиль, слегка вильнув на скользком асфальте, остановился в полуметре от ярких стоп-сигналов. Позади раздался пронзительный гудок клаксона какого-то недовольного водителя. Как же меня достали все эти психи на дорогах.

Жаль, что нельзя пропустить всё это муторное путешествие по пробкам домой и сразу оказаться на своем месте для мечтаний. А поскольку я никогда не делаю запасов продуктов, то мне еще предстоит посещение продуктового магазина возле дома. Как же много времени отнимает постоянное продиранье сквозь реальность, в целях удовлетворения насущных нужд. Иzo дня в день: автомобильные заторы, а раньше долгая тряска в общественном транспорте; размышления у полки с продуктами на тему: «Что бы сегодня покушать?», и тоскливое стояние в очереди на кассу; на работе – бессмысленные споры и ненужные проекты; просмотр тупых передач по телевизору по вечерам и бессмысленный сёрфинг в интернете. Вот все ингредиенты, составляющие нашу жизнь. Раздражающие составляющие, от которых все хотят избавиться. Но что останется, если их не станет? Практически ничего. Наша жизнь пустая серая мгла, вроде той,

что висит сейчас над городом. Из редких моментов счастья, вряд ли кто-то может составить в сумме больше года абсолютного времени. Зачем тогда мы живем так долго?

Предаваясь упадническим философским рассуждениям, я скоротал время поездки до магазина. Вот и еще одна ежедневная раздражающая задача: «Найди парковку». Этот вызов постоянно бросается каждому автомобилисту. Самая актуальная проблема современности, требующая недюжинной смекалки для её разрешения: «Найди пядь асфальта, чтобы засунуть свой автомобиль у магазина, офиса, дома. Встань так, чтобы твою машину не помяли и не эвакуировали».

В этот раз мне повезло – получилось втиснуться на место только что отъехавшего автомобиля. Поэтому, преисполненный гордостью за собственную ловкость, а вовсе не благодарностью счастливому случаю, я буквально впорхнул в магазин, надеясь, что и здесь не потрачу много времени.

От вида длинных очередей к кассам в торговом зале, пришло понимание, что полоса удачи стремительно превратилась в тоненькую ленточку случайности, и никакая пронырливость не поможет пробиться сквозь эшелон покупателей, желающих поскорее расстаться с деньгами.

Приняв неизбежность долгого времяпровождения в магазине, я понуро побрел вдоль полок с продуктами. Дойдя до фруктов, почему-то вспомнил о нашей новой сотруднице – медиаторе Милагрос. Наверное, возникла некая ассоциация на основе стереотипов: тропический остров – тропиче-

ские фрукты.

А она действительно молодец, сумела понизить градус противостояния между мной и Ерёминым. Андрей Валерьевич был крайне возмущен моим, по его словам, хамским поведением и особенно тем, что я публично выставил его дураком. Мила, в мою защиту, очень подробно объяснила директору, что я хоть и перегнул палку с уничижительным сарказмом, но, в первую очередь, моей целью была защита финансов компании от крупных и необоснованных затрат. Что, по сути, я выступил как спаситель капитала собственника, то есть сохранил именно Ерёминские деньги. И когда я уже был готов возгордиться от осознания выполненной святой миссии, она очень ловко опустила меня на землю. Она объяснила, что в современном обществе инквизиционный метод «цель оправдывает средства» абсолютно неприемлем. Нужно было в спокойном тоне подвергнуть доклад Михаила сомнению и лишь потом, на личной встрече с директором, подробно описать все недостатки предложенного плана.

Она действительно заставила меня раскаяться в совершенном поступке, в итоге, я вполне искренне извинился перед Андреем Валерьевичем. Ермаков в свою очередь отказался от громких заявлений: «Уволю к чертовой матери!» и «Премии до конца жизни не увидишь!», произнесенных им в начале разговора.

Но самое странное, что во время всей встречи меня не отпускало ощущение странного дежавю. Мне казалось, что от-

куда-то знаю Милу. Я тщательно перебирал в памяти события своей жизни и все время приходил к мнению, что встречу с такой смуглой девушкой наверняка бы запомнил. Но ощущение никак не проходило, мне казалось, что нас все-таки связывают какие-то события, из-за которых я чувствую в ней родственную душу. Есть мнение, что чувство дежавю на самом деле не забытые воспоминания прошлого, а предчувствие грядущего. Возможно, но что нас может ожидать в будущем? Я ни капли не соврал Алексею, когда сказал, что, как девушка, Мила меня совсем не привлекает. Конечно, не было возможности проанализировать свое отношение к ней, как мужчины, но никаких предварительных сексуальных симпатий я не почувствовал.

– Извините, – дородная тетка отпихнула меня в сторону и схватила с полки ананас, объект моей медитации в течение нескольких минут, – Если вы это не берете...

Похоже, что этой покупательнице абсолютно наплевать, беру я ананас или нет. Произнесенное ей извинение, больше походило по смыслу на что-то вроде: «Не мешай тут мне фрукты выбирать», что вполне подтверждалось внушительным толчком плеча. Не дожидаясь моего ответа, дабы не услышать «Беру», она просто взяла, что хотела и утопала восвояси.

И кстати да, ананас я возьму. Не тот самый, любой. Мне без разницы. И еще каких-нибудь фруктов. Устрою себе тропический ужин, в честь спасшей мою карьеру Милагрос.

А завтра чем-нибудь угощу её в клубе, в знак признательности.

Спустя два часа, вместившие в себя стояние в долгой очереди, поиск места для парковки у дома, приготовление фруктового коктейля и поедание одного, я почистил зубы и привычно забрался под одеяло перед телевизором.

Мне хватило пяти минут просмотра новостей прошедшего дня, чтобы понять насколько меня не интересуют события в мире. Под бормотание диктора, которое совсем не обращало на себя внимания, я впал в некую прострацию и звук телевизора стал меня раздражать. Убавив громкость на ноль, я мечтательно уставился на пляшущие по стене чуть выше экрана цветные блики.

Возможно, встреча с девушкой родом из доминиканской республики и доносившийся с кухни запах фруктов, оставшийся после приготовления коктейля, стали катализатором сегодняшнего видения. Достаточно быстро, хаотичное мельтешение разноцветных огоньков развернулось в моем сознании в видение берега океана. Я просто лежу на кровати под одеялом и смотрю на мутную картинку с далекого побережья, будто через окно, внезапно появившееся в моей спальне.

Хочу рассмотреть этот берег лучше, и сразу окно в другой мир становится шире и кажется, надвигается на меня. Чувствую теплый, пахнущий солью, бриз с океана. Волна тепла, от яркого полуденного солнца прокатывается по всему телу.

Где-то в вышине слышны далекие крики чаек. Я нахожусь не ближе ста метров от берега, поэтому пена накатывающихся волн кажется тонкой белой полоской. Там на пляже, почти на линии прибоя я вижу две фигурки. Парень и девушка, сидят обнявшись, наверное, любясь невысокими волнами. Это словно квинтэссенция моих желаний: беззаботно сидеть на теплом берегу, обнимая любимого человека. Но сейчас я не могу ассоциировать себя с этими фигурками. Я абсолютно точно выступаю лишь как сторонний наблюдатель. Вот вижу, как парень склоняет голову к лицу девушки, а она тянется к нему навстречу. Их губы сливаются в поцелуе, а мне становится неловко, за то, что подсматриваю за этим интимным моментом.

Перевожу взгляд на уходящий вдаль бесконечный океан. Нет, он не уходит за горизонт. Там он сливается с небом. Солнце светит так, что не отделяет контрастом далекий край океана от атмосферы. Поверхность воды, ярко светящаяся голубым, плавно переходит в пронзительную небесную синь. Чем выше поднимаю взгляд, тем светлее становится небо, и так же плавно, почти без видимой границы переходит в белое солнечное марево. Прикрываю ладонью глаза, закрывая себя от выжигающего света, и на границе руки вижу, как сквозь легкую прозрачную синь, проступает чернота космоса. Эта черная бездна напоминает мне о величии вселенной и том, какой крошечной пылинкой в ней является наша планета с этим чудным океаном и прекрасным берегом.

Солнце все также висит в зените, но я вижу, как темнота расплзается от границы моей руки, захватывая все небо. Еще мгновение и небо, мигнув на прощанье голубым сполохом, исчезает, оставив лишь бесконечный черный космос и яркий белый шар. Очень необычная картина: ярко-освещенный пляж и черное небо, словно ночное, но лишь с одной звездой — солнцем.

Чувствую, как космос манит меня, он тянет к себе словно магнит. Вселенная просто ухватила за мою макушку и, наплевав на гравитацию, поднимает меня от поверхности.

Мои ноги теряют опору и повисают в нескольких сантиметрах над песком. Беспомощно болтаю ими, пытаюсь спустить себя на землю. Но беспощадный космос не обращает на мои жалкие потуги никакого внимания. Еще миг и я несусь прочь от поверхности планеты. Внизу остается солнце и светящаяся пылинка, где я только что стоял на берегу океана. Стремительно лечу в безмолвном черном пространстве куда-то в центр вселенной, а темнота начинает растворять мое «я». Очень хочу успеть долететь до точки назначения, но знаю что не смогу. Я сгину в глубинах космоса, став мельчайшей частью тьмы. Черная пелена уже окутывает мою голову, и я ничего не вижу, лишь чувствую движение. Но и эти ощущения постепенно теряются. Я уже никуда не лечу, и уже ничего не хочу. Я маленькая точка во вселенной и я сама вселенная. Я темнота.

Клуб

Глухой противный бас на грани инфразвука проникает до самых костей и заставляет крайне неприятно вибрировать диафрагму. Из-за этого под ложечкой возникает ощущение предстоящей беды. Этот низкочастотный звук заполняет собой все вокруг и кажется, что от него некуда бежать. Это действительно так, во всяком случае, в этом помещении. От него невозможно уйти подальше или спрятаться за перегородкой, эта мерзкая вибрация не ослабевает с расстоянием и легко проходит сквозь преграды. Я чувствую некую смесь опасности и растерянности, а мой организм постоянно находится в состоянии стресса, пытаюсь дать мне возможность бежать и выжить.

Неровный ритм вообще-то должен подчеркивать и дополнять звуки высокой и средней частоты. Но, на самом деле, он их частично поглощает, или скорее маскирует. Судя по тому, как орут друг другу в уши собеседники, сидящие рядом, все остальные звуки тоже на пределе громкости. Вот почему я не люблю ночные клубы. Мне здесь крайне неудобно.

Лёха сказал, что это все ерунда, что нужно просто расслабиться и отдаться ритму, тогда ноги сами пойдут в пляс. Не слышу в этом гуле какого-либо вразумительного ритма. Это больше похоже на какофонию теплоходных гудков, звучащих в унисон с неровным биением сердца больного ин-

фарктом. Сложно слиться с тем, что напрягает и отталкивает. Музыкой я это тоже не могу назвать. Ни один из звуков не складывается в хоть какую-то мелодию вообще. Кажется, что кто-то просто взял короткие визги нервных младенцев, вой бензопилы, трели сумасшедших птиц и просто бросил их в одно ведро. А теперь еще и пинает ногой по жестяным стенкам, считая, что это ритм.

Вот в таком месте на неофициальном собрании было решено провести наш маленький корпоративный междусобойчик. Мы с Лёхой пришли в клуб раньше всех. Я сразу оккупировал стойку бара и стал нагружаться алкоголем, чтобы прекратить слышать шум вокруг себя. Вскоре подтянулись девчонки из отдела персонала. Я было подумал, что консенсус уже соблюден, но оказалось, что еще должен явиться отдел продаж в полном составе и даже кто-то из бухгалтерии.

Я заказал для Милагрос какой-то коктейль и как мог, объяснил жестами, что это знак благодарности за её профессионально выполненную работу. Сказать что-то вразумительное в этом шуме не представлялось возможным и сомневаюсь, что мои быстрые жесты она поняла правильно.

Воспользовавшись паузой, когда музыка резко стихла и ди-джей начал что-то кричать в микрофон, я выяснил у бармена, что остался еще один не зарезервированный вип-столик. Немедленно внес сумму за его аренду, поскольку только сейчас в самом начале вечера можно более-менее спокойно сидеть возле барной стойки. Спустя буквально час-

полтора тут начнется столпотворение, поэтому очень удобно иметь место обслуживаемое официантом.

Постепенно стали появляться остальные участники нашего мероприятия. Вечно веселые менеджеры по продажам пришли, как водится, единой гурьбой. Каждый парень из отдела продаж счел нужным подойти ко мне, похлопать по плечу и показать большой палец. Видимо для того, чтобы высказать какое-то одобрение по поводу моего выступления на вчерашнем совещании. Девушки бросали на меня странные взгляды и широко улыбались, то ли флиртуя, то ли насмехаясь. Не знаю, были они искренни или поздравления имели достаточную долю сарказма, в этой обстановке с гремющими звуками и моргающим светом сложно идентифицировать эмоции. Скорее всего, они были просто рады, что их не заставили работать в единой команде по какому-то странному проекту, то есть, я снял с них лишний «головняк», которых они не любят.

К нашему празднику постепенно подтянулись суровые бухгалтеры и сразу же стали мощно пить водку. Кажется, для них это единственный способ убежать из мира скучных цифр. Хотя, среди бухгалтерии оказалось несколько молодых девушек, ранее мною незамеченных, и они довольствовались слабоалкогольными коктейлями. Видимо еще не успели получить стресс от бесконечного подсчета дебета и кредита. Что с них взять – молодые еще.

Помещение клуба стало наполняться людьми и весь отдел

продаж, а также некоторое количество бухгалтеров плавно переместились на танцпол. Я же, взяв в одну руку бутылку виски, в другую Лёху, утащил их обоих за столик.

– Леха! – Кричу сквозь шум, – Кто придумал собрать корпоратив в клубе?

– Что?

– Почему в клубе?

– А что?

– Ну странно все как-то, – надрывая связки, у меня не получалось передать эмоции недовольства выбором места, – Никаких тостов, никто никого не поздравляет.

– Ну, это... Ну, вот так решили, – Лёха явно не был сконцентрирован на беседе и все время оглядывался в сторону танцпола, – Коль, извини, я тут за Маринкой приударить хочу, позже поболтаем.

Даже не выпив виски, Лёха сорвался с места и ускакал в танцующую толпу. Я же разглядел у барной стойки Милагрос. Наверное, она устала отплясывать под жуткие ритмы. Машу ей рукой, пытаясь пригласить за столик, она улыбается мне и отворачивается. Похоже, она подумала, что я к ней подкатываю. Видимо, как-то не так изъяснился жестами, угощая её коктейлем.

Выпив в одиночестве очередную порцию виски, начинаю разглядывать её фигурку у бара. Вспоминаю о вчерашних ощущениях про странное дежавю и родство душ. От этого стало как-то грустно, и я быстро замахнул еще одну дозу ко-

ричногового алкоголя.

Вот на самом деле, Мила достаточно симпатична и с хорошей фигурой. Но меня и вправду вовсе не влечет к ней, как к женщине.

Пытаюсь представить её без одежды: смуглая кожа, достаточно крупная упругая грудь и плотные приподнятые ягодицы. Нет, совсем ничего. Абсолютно никаких эмоций или возбуждения. Что вдвойне странно, ведь я уже достаточно пьян.

Может все-таки это недостаток тестостерона в организме из-за выматывающей работы? Ну что же, выпью за упокой своего либидо. Наливаю двойную порцию виски и залпом осушаю бокал.

Пьяная часть меня хочет доказать свое мужское начало и мой взгляд начинает сканировать зал в поисках привлекательной особы. Но в свете стробоскопов с переизбытком ультрафиолета я вижу лишь какие-то отдельные части тел, выхватываемые на миг из тьмы. Ничего такого, за что успел бы ухватиться мой пьяный глаз.

Окинув взором весь зал, возвращаюсь к наблюдению за барной стойкой. Там что-то происходит. Какой-то странный тип держит Милагрос за руку выше локтя, а она с явно недовольным видом пытается отстраниться от него. Мила отворачивается от парня и делает вид, что рука, за которую он ухватился, ей не принадлежит. Он наклонился и кричит ей что-то прямо в ухо, но Мила никак не реагирует, пол-

ностью игнорируя приставучего гада. Парень резко дергает Милагрос за руку, разворачивая к себе, и содержимое стакана в её руке выплескивается ему на грудь. Лицо грубияна искажается недовольной гримасой, он начинает резко махать руками. От каждого взмаха его руки Милагрос непроизвольно съеживается, словно ожидая удара. Это уже ненормально. Нужно защитить девушку.

Я встаю из-за столика и понимаю, что уже достаточно набрался. Шум в голове от выпитого такой, что легко даст фору дикой музыке рвущейся из колонок. Покачиваясь, дохожу до бара и встаю между Милой и пристающим к ней парнем. Наверное, впервые в жизни жалею, что совсем не умею драться. В школе я всегда был выше всех одноклассников и никто не хотел связываться с большим парнем. А в более взрослой жизни почему-то никогда не случалось таких моментов, чтобы требовалось пустить в ход кулаки.

Он ниже меня на целую голову. К тому же я явно крупнее и преимущество в массе уже должно поставить его на место. Но по его лицу не видно, что он хоть как-то напуган моим появлением.

– Ты чего к девушке пристаешь?

Я не знаю, что принято говорить в таких случаях, к тому же не ясно, слышит ли он меня. Парень хитро склоняет голову на бок и что-то цедит в ответ сквозь зубы. Мне кажется, я не услышал бы его, даже играй музыка потише. Кто-то сзади тербит меня за плечо. Поворачиваюсь, это Милагрос.

Она кричит мне в лицо какую-то короткую фразу. На последнем слове, явно имеющем звук «О» её глаза выражают страх.

– Не переживай, я сейчас все улажу.

Поворачиваюсь к парню, желая сказать ему, чтобы он проваливал подальше, и он резко бьет меня в левый бок. Мне кажется, что от места удара прямо в мозг мне ударил электрический разряд. Я возмущен таким развитием событий и хочу ударить его в ответ, но ноги почему-то подкашиваются и все начинает кружиться перед глазами. Мелькание огней становится все быстрее. Вот восемь абсолютно круглых фонарей встают в правильный круг, замирают и резко гаснут.

Пробуждение

Мутный болотно-зеленый свет заполняет все пространство вокруг. Я нигде не вижу источников этого странного свечения. Кажется, что светятся сами стены, все предметы интерьера и даже воздух. Смотрю по сторонам и понимаю, что в мире уже давно нет никакого солнца, ему просто нечего освещать и обогревать. Нет ощущения температуры, нет растений, что не могут жить без фотосинтеза. Нет никаких живых существ, которым хотелось бы почувствовать кожей ласковые лучи светила. Вся вселенная теперь, это просто мир зеленых сумерек.

Я же нахожусь в каком-то помещении. Отчетливо вижу потолок и стены, но никак не могу разглядеть пол. Когда смотрю вниз, то фокус зрения внезапно теряется, а вместо ровной поверхности вижу зеленый туман, будто там лишь тусклая бесконечность. Из этого марева внизу проступают очертания каких-то предметов, что расставлены вдоль стен. Это какие-то неправильные параллелепипеды. Словно некий мастер, делая эти предметы, аккуратно вывел стороны в плоскость, а вот верхнюю грань сделал кое-как. В отличие от боковых граней, верхняя сторона вся покрыта буграми.

Все эти объекты похожи друг на друга размерами: примерно метр в ширину и около двух метров в длину. Но различные очертания неровностей на верхней стороне придают

им всем свою собственную индивидуальность. Я смотрю себе под ноги и вижу такой же параллелепипед. Вот только его верхняя грань такая же прямая, как и боковые. Внутри меня расплзается страх от догадки, что собой представляют эти «бугры».

Опираюсь на стену и чувствую, как рука проваливается сквозь какую-то рыхлую субстанцию. Пытаюсь отдернуть руку, но стена не отпускает меня. Более того, я продолжаю в неё погружаться. Странно, что от этого я как раз не испытываю страха, будто проваливаться в стену это нормально. Я откуда-то знаю, что любые попытки освободиться, обречены на провал. Поэтому решаю не затягивать процесс и делаю шаг внутрь стены.

Мгновенно оказываюсь по другую сторону, в точно таком же помещении. Вот только теперь подо мной чужой параллелепипед и он занят. Но я не стою на ком-то, кто лежит внизу, а парю в полуметре над ним.

Так я могу летать?

Усилием воли двигаю себя к дальней стене и без какого-либо сопротивления прохожу сквозь неё. Снова попадаю в помещение, копию двух предыдущих. Это здание не может быть бесконечным, нужно пролететь сквозь все стены и вылететь наружу.

Лечу вперед. Четвертое помещение, пятое, восьмое. Они кончатся когда-нибудь?

По мере продвижения, чувствую всевозрастающее сопро-

тивление. Нет, сама среда мне не противится, просто мне приходится прилагать больше усилий, чтобы двигаться вперед.

Мне кажется, что где-то на спине, между лопатками ко мне прикреплен толстый резиновый жгут, и чем дальше я лечу, тем сильнее он натягивается и мешает движению.

Влетев в очередную комнату, я смог продвинуться лишь до середины помещения и понял, что достиг предела натяжения. В тот же миг, «жгут» резко сжался, а меня понесло назад.

Комнаты, сквозь которые я уже пролетел, теперь неслись от меня с бешеной скоростью. Эта скорость настолько невыносима, что ощущай я желудок, меня, скорее всего, стошнило.

В этом полете вперед спиной я теряю точку равновесия, и меня начинает вращать вокруг невидимой оси «жгута» против часовой стрелки. Теперь комнаты не просто уносятся от меня, они еще и кружатся. Все быстрее и быстрее.

На фоне стремительной карусели стен, прямо передо мной всплывает лицо Милагрос. В отличие от всего окружающего, оно не вращается.

Широко раскрытые глаза Милы наполнены страхом. Кажется, она что-то кричит мне. Я могу разобрать лишь гласные: «У-ЕО- О!» Она повторяет и повторяет эту фразу и с каждым разом, я слышу, как твердые звуки, жужжа, пытаются проломить стену моей глухоты: «У-Н-ЕО-ОЖ!»

Мой полет назад резко прерывается ударом чего-то упругого по спине.

«У него нож!» Она кричала мне это.

Я лежу на какой-то поверхности и никак не могу открыть глаза. Кажется, что каждое мое веко весит не меньше килограмма. Не оставляю попыток начать видеть и с каждым усилием щелочка, сквозь которую проникает свет из внешнего мира, становится шире.

Наконец мне удастся полностью поднять веки и яркий свет режет мои глаза. Сильно зажмуриваюсь, и резко выступившие слёзы вызывают жжение. Долго моргаю, прогоняя лишнюю воду из глаз, и видение окружающего мира постепенно обретает четкость.

Белые стены, белый потолок, лампа дневного света льет белые лучи. Надо мной склоняется человек в белой маске.

– Очнулся наконец-то? Как самочувствие?

– Не знаю. Не ощущаю себя. Вот только бред какой-то мне привиделся.

– Просто глюки после наркоза, – я не вижу лица говорящего, но по изгибу маски видно, что он улыбается, – Это нормально.

– После наркоза? А что случилось?

– Ножиком тебя потыкали. Слава богу, никаких жизненно важных органов не задела. Повезло. Но крови ты потерял прилично.

– Ясно. Давно я здесь?

– Угу. Привезли тебя в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое. Провели операцию и еще целые сутки ты от наркоза отходил. Никак не хотел просыпаться.

– То есть сегодня уже двадцать седьмое?

– Да, воскресенье, – врач склонился надо мной и пощелкал пальцами перед глазами, – Рефлексы в норме. Ощущения появились?

– Да, но как-то тянет в левом боку.

– Тянет, это хорошо. Тянет, значит заживает.

– А долго мне в больнице лежать?

– Посмотрим. Минимум дней десять, может пару недель.

– Значит, новый год в этом году мне не светит.

– Новый год для тебя наступил, только что. Цени это, – доктор поднял какую-то тетрадь, – Значит так, еще сутки полежишь в реанимации, понаблюдаем тебя. Завтра переведем в палату.

– А как мне связаться с кем-нибудь?

– А, кстати, сюда конечно нельзя, но я пушу к тебе посетителей на одну минуту. С утра тут ошиваются. Скажешь им все что нужно.

Доктор пропал из моего поля зрения, я хотел приподняться и посмотреть куда он делся, но в левом боку ощутимо кольнуло и я откинулся назад, чтобы не провоцировать боль.

Едва утихли резкие болевые толчки, там, где я раньше видел доктора, появились два новых лица. Лёха и Милагрос, единственные, кому оказалось интересно мое состояние.

– Привет!

– Привет!

– Ну, ты как?

Они наперебой начали говорить приветы и задавать вопросы.

– Нормально, завтра переведут в палату.

– Это хорошо, можно будет тебя навещать в обычном режиме.

– Да, фруктов тебе привезем, соков всяких.

– Может, что-нибудь еще?

– Да, – я скосил глаза на Панова, – Лёха, притащи мне планшет. Лежать мне тут не меньше десяти дней. Боюсь подохнуть со скуки.

– Десять дней? – Лёха даже присвистнул. – Новогодние праздники мимо.

– Да и пофиг.

– Я тебе ёлку в больницу притащу!

– Не надо, планшета вполне достаточно.

– Николай, – дождавшись окончания нашего краткого диалога с Лёхой, Мила вставила слово, – Я хотела сказать тебе спасибо. Ты спас меня от этого уroda. Он, не задумываясь, ударил тебя ножом. Просто так. Страшно представить, что он мог сделать, если бы я согласилась на его уговоры.

– Да, брось, не стоит благодарности, – я попытался улыбнуться, – Просто я последний рыцарь на планете. А этого гада вообще схватили?

– Ищут, – Лёха отрицательно покачал головой, – Там такая суматоха началась. Ну, он под шумок и скрылся.

– Так, всё, закончили, – из-за пределов видимости раздался голос врача, – Хватит мне тут режим нарушать.

Больница

Больничный режим режет сутки на части и тем самым помогает справиться со скукой. Теперь каждый мой день начинается с утренней побудки медсестрой, что ставит обязательный укол ровно в шесть пятнадцать утра. После чего снова ненадолго засыпаю и вижу короткие, но очень яркие сны, поражающие меня своей полнейшей фантаσμαгорией, в которую я беспрекословно верю, пока сплю. Особенность этих ранних снов в том, что я всегда их отлично помню. Я даже стал делать заметки в планшете, пытаюсь найти какую-нибудь связь между снами.

Одно время мне казалось, что еще чуть-чуть и я стану автором сенсационного открытия в еще плохо изученной области сновидений. Но спустя десять дней ведения «сонного дневника», понял, что связи между снами не больше, чем между случайными попутчиками в вагоне метро.

Второй раз я просыпался уже в половине девятого, когда начинался обход палат заведующим отделением. Он бегло опрашивал самочувствие и сверялся с показателями анализов. Уже дня три жду, когда он скажет, что меня пора выписывать или хотя бы перевести на дневной стационар. Но он каждый раз говорит что-то вроде: «Хм. Явные улучшения, но я рекомендую еще полежать пару дней».

После обхода начинается время гигиенических процедур,

завтрака и легкого обмена репликами с соседями по палате. После чего иду на перевязку, а затем, уже до самого обеда просматриваю новости в интернете.

После дневного приема пищи, мой организм требует еще немного короткого сна. Наверное, эта сиеста одно из немногих преимуществ нахождения в больнице. В отличие от утреннего сна, сон после еды, практически никогда не приносит сновидений. Иногда мне кажется, что я вообще не засыпаю, а совсем ненадолго проваливаюсь в дрему. Но судя по показаниям часов на планшете, сплю не меньше часа каждый раз. Я могу увидеть несколько мелькнувших картинок в послеобеденном сне, но в целом эти видения больше похожи на тягучую патоку, из которой очень трудно выбираться в реальность. Уже после пробуждения трачу около получаса, чтобы просто прийти в себя.

Ближе к вечеру начинают подтягиваться посетители. Каждый день приходят Лёха и Милагрос. Остальные представители офиса, скорее всего, расписали график посещения, поскольку еще никто не пришел дважды. Совсем без посещения прошло только два дня: тридцать первое декабря и первое января. Лёха собирался приехать, но я попросил его не делать этого, мотивируя свою просьбу тем, что никогда себе не прошу испорченного нового года своего друга.

Мила же, наоборот, попросила меня не обижаться на то, что она не сможет посещать меня пару дней, так как уезжает с друзьями загород.

Мила. Именно так она просит называть себя при общении. Говорит, что это имя позволяет ей чувствовать себя более русской. Мне кажется, она, таким образом, избегает лишних вопросов о своем имени и, как следствие, происхождении, поэтому ей так просто комфортнее. Я, конечно, не отказываю ей в этой просьбе.

Общаться с Милой, мне доставляет удовольствие. Кажется, она уже стала вторым моим другом в этом городе. Она умна, отлично понимает юмор и сама не прочь пошутить. Оказалось, что у нас много общих интересов в музыке и литературе. Да и по другим жизненным аспектам мы имеем схожие взгляды.

В её обществе становится как-то по-особому уютно. Если заканчиваются все темы для разговоров, то с ней можно просто посидеть, помолчать, без какого-либо чувства неловкости. Кажется, именно это называют родством душ.

С Лёхой мы дружим несколько иначе. Да, мы любим с ним одни и те же вещи, но делаем это совсем по-разному. Видимо, именно разность мироощущения нас и подтолкнула к дружбе. Всегда интересно наблюдать, а иногда и обучаться альтернативным методам решения вопросов, проведения отдыха и вообще жизни.

С Милой не так. С ней мы как две половинки одного целого, но только без каких-либо сексуальных чувств. Наши отношения полностью асексуальны. Иногда мне кажется, что она мне как сестра, которой у меня никогда не было. Но толь-

ко та сестра, с которой действительно можно дружить.

Сегодня Лёха уже приходил и наконец-то рассказал все подробности своего замечательно проведенного новогоднего праздника. Новый год он встретил с одной девушкой из отдела персонала. Кажется, теперь у них намечаются романтические отношения. Во всяком случае, в его рассказе их внезапно вспыхнувшая симпатия друг к другу выглядела как новогоднее чудо. Я рад за него. Сам я думаю, что та девочка давно испытывала к Панову какие-то чувства, только он понял это уже после того, как оказался в её постели. Но я не стал говорить Лёхе о своих предположениях. Зачем лишать друга случившегося волшебства?

В ожидании визита Милы я снова бесцельно шарюсь по интернету, в надежде найти что-нибудь интересное. По длинной ветке поиска, с новостного ресурса, через статью о древних артефактах, перейдя по ссылке из заметки о редких народах, натыкаюсь на статью об инуитах. Несколько фактов в этой статье мне кажутся интересными, и я начинаю искать больше информации об этом северном народе.

За этим занятием меня и застал окрик медсестры:

– Смирнов! К тебе гости, спускайся.

В хирургическое отделение не пускают посетителей, поэтому я встаю в тапочки и шуршу ими в сторону лестницы с третьего этажа. За один лестничный пролет до холла на первом этаже, я уже вижу Милу, скромно пристроившуюся чуть правее входной двери. Она еще не успела согреться

от мороза и на её побледневших щеках виден легкий румянец. Сейчас в её внешности совсем не заметно никаких признаков уроженки тропического острова.

Она замечает меня и широко улыбается, немного приподнимая при этом подбородок. Это всегда делает её улыбку еще более открытой и располагающей. Неудивительно, что из неё получился отличный медиатор.

– Привет, – я преодолел последние ступени и поздоровался первым, – Похолодало что ли?

– Привет, – с этой улыбкой она немного склоняет голову на бок, будто хочет рассмотреть меня со всех ракурсов, – Да, сегодня подморозило.

– Принесла что-нибудь вкусненькое?

– Да, конечно, – Мила, спохватившись, открывает свою безразмерную сумочку и выуживает оттуда внушительный пакет с продуктами, – Фрукты тебе принесла, выпечку...

– Да я же пошутил, – смеясь, останавливаю её доклад жестом руки, – Но, как оказалось, ты подготовилась.

– Ну, так я с пустыми руками пойду что ли? Чего бы я тогда вообще приходила? Ведь не ради того, чтобы с тобой пообщаться.

Она с очень возмущенным видом всовывает пакет мне в руки. Я буквально на секунду растерялся от такого «наезда». Но Мила сразу разглядела мое недоумение и злорадно хихикнула. Распознав сарказм, я качаю головой и беру Милу под руку.

– Давай присядем. Раз уж пришла, я тебя без болтовни не отпущу.

У стены я вижу пару освободившихся кресел и под локо-ток веду Милу туда.

– Тебя когда выпишут-то уже?

– Не знаю, каждый день надеюсь, что это произойдет. Но, похоже, что по закону подлости это случится в последний день новогодних каникул. Чтобы из больницы и сразу на ра-боту.

– Ну, ты всегда можешь взять две недели отпуска.

– Хм. Хороший вариант. С администрацией города у ме-ня сейчас все подписано и согласовано. Ближайшие работы по этому проекту запланированы на конец января. Не думаю, что наш отдел продаж выдумает что-то срочное сразу после праздников.

– Ну вот, возьмешь отпуск и отметишь старый новый год, как новый. А то, похоже, ты тут совсем в интернет зарылся, – Мила кивнула на зажатый в моей руке планшет, – Все время на связи и на волне свежих новостей?

А ведь действительно, когда меня оторвали от статьи об инуитах, я не оставил планшет на тумбочке, а спустился в холл вместе с ним, считая, что это уже неотъемлемая часть меня.

– Кстати, я, буквально сейчас, накопал очень интерес-ную статью, – делаю робкую попытку оправдать свою интер-нет-зависимость, – Про инуитов.

– Про кого?

– Это такой северный народ. Эскимосы. Но эскимосы это обидное прозвище, так как означает: «Тот, кто ест сырую рыбу». А сами себя они называют инуиты.

– И что про них пишут интересного?

– Да много чего. Меня удивил тот факт, что их поселения разбросаны почти по всему полярному кругу. Плюс существует множество племен, которые вроде, как и не инуиты, но какие-то родственные народности. У них у всех общая языковая группа. То есть, и в Северной Америке и в Евразии, на тысячи километров растянулись поселения, по сути, говорящие на одном языке. Достаточно широкий ареал распространения, не так ли?

– Ну, ведь существовали миграции древних народов с континента на континент. Насколько помню, алеуты пришли в Северную Америку как раз из Евразии. Возможно, что североамериканские индейцы их потомки. Во всяком случае, есть такая теория у историков.

– Вряд ли. Дело в том, что в названии своего народа, они отделяют себя от индейцев. И, по-моему, именно индейцы называли инуитов эскимосами.

– Я не спорю, просто попыталась вспомнить, что об этом мне говорили на историческом факультете. Северным народам уделялось очень мало внимания.

– Еще интересны их числительные в языке. Так, например один инуит, это инуит. Два инуита, это инуит и инуит. А вот

все что больше двух, это инууит. Не окончание прибавляют, а гласную в середине слова.

– Ничего удивительного. Если бы ты изучал различные языковые группы, то мог бы найти и более интересные словесные формы.

– Но еще вот что интересно, – я пропустил мимо ушей её выпад, – Инуит, это в дословном переводе значит «человек». Соответственно, инууит – люди. И кажется, что это слово придумано, для отделения человека от всяких животных. Но вот название всего народа – иннуит, с двойной согласной, значит «истинные люди».

– То есть, по-твоему, инуиты, это первые расисты на планете? И остальные народы они не считали людьми?

– Такая мысль мне не приходила в голову. Умеешь же ты всё опознать, – я укоризненно посмотрел на Милу, а она лишь улыбнулась и пожала плечами, – Я думал над теорией, что инуиты, это осколки древней могущественной цивилизации. И существовала эта цивилизация где-то на северном полюсе. Возможно, что это была та самая легендарная Гиперборея. А инуиты и есть потомки гиперборейцев. По мифам, в Гиперборее существовала некая сверхцивилизация и остальные люди, действительно, были для них что-то вроде смысленных мартышек. Получается, что да, инуиты это первые расисты.

– По-твоему, сверхцивилизация могла просто исчезнуть не оставив после себя ничего?

– Думаю, что случился какой-то страшный катаклизм, который наклонил земную ось и на северном полюсе очень быстро похолодало. Все артефакты, что остались после катаклизма, теперь погребены под толщей северных льдов. А инуиты это потомки тех, кто успел бежать от бедствия. Оказавшись без привычных благ развитой цивилизации, они были вынуждены бороться за существование и за тысячелетия растеряли все остатки бывшего могущества.

– Интересная теория, – Мила посмотрела на потолок, – А у меня родилась другая версия. Никакой Гипербореи никогда не существовало. Просто жили люди на планете. Все они были одной расы. А потом на африканский континент была осуществлена высадка.

– Что? Высадка?

– Ну да, инопланетная.

– Почему в Африке?

– Так ведь есть теория, что Африка это колыбель человечества, и я сейчас опираюсь как раз на неё.

– Хм. Интересно. Ну и что дальше?

– Так вот. Высадились они на этой планете, потому что она подходила для существования по условиям гравитации, содержанию кислорода и прочим факторам. Скорее всего, это была массированная миграция с другой планеты. Возможно, тоже из-за последствий глобальной катастрофы. Но оказалось, что на планете уже есть схожая гуманоидная раса. И пришельцам пришлось делить сферы обитания с абор-

ригенами. Местные жители уже отхватили себе самые лакомые территории для проживания, но пришельцы были сильнее технологически, и началось постепенное вытеснение исконных хозяев с их земель. В какой-то момент, пришельцы поставили ультиматум перед людьми: или тотальное уничтожение, или добровольная сдача территорий. Таким образом, истинные люди, или как они себя называют – инуиты, были оттеснены за полярный круг и стали вынуждены выживать при помощи промысла. А пришельцы, на благодатных почвах за десятки тысячелетий расплодились до нескольких миллиардов и забыли, откуда они родом. Так что, мы все потомки космических переселенцев, а инуиты истинные, то есть коренные жители планеты.

– Знаешь, а твоя теория нравится мне даже больше. Тем более что она опирается на научные предположения, а не на мифы, как моя.

– Ну, а как ты хотел? У меня два высших образования, у тебя всего одно. Ты просто смышленная мартышка для меня.

Мила звонко рассмеялась своей снобистской шутке. А я смотрел на неё и думал, что мы далеко не в первый раз сидим вот так вместе и болтаем о всякой ерунде. Мне кажется, что эти воспоминания простираются гораздо дальше в прошлое, чем с момента нашего знакомства.

– Знаешь, меня уже давно не оставляет ощущение, что мы с тобой когда-то были знакомы.

Мила резко оборвала смех и, чуть прищурившись, посмотрела на меня. Веселые искорки в её глазах растворились без следа.

– Ты не поверишь, но у меня примерно такое же чувство. Словно странное дежавю. Я знаю, что никогда раньше с тобой не встречалась, но, кажется, я знаю тебя дольше, чем живу на этом свете.

Мы отвернулись друг от друга и как-то понуро, почти синхронно, опустили головы. Впервые за все время нашего общения молчание стало неловким.

– Наверное, все-таки возьму две недели отпуска, – я решил прервать неловкое молчание, – Потрачу их на поездку в какое-нибудь поселение инуитов.

– Зачем? – Вопрос Милы прозвучал совсем без эмоций, как дежурный, – Не лучше ли действительно отметить новый год?

– Мы с тобой высказали достаточно интересные теории. Но, как говорится: «Истина где-то рядом». И возможно, какой-нибудь шаман, живущий в поселении, может мне рассказать правду об инуитах.

– Станный стимул, если честно. Сомневаюсь, что он сможет рассказать что-то интереснее сказок северных народов.

– Ну, пусть хотя бы прояснит, почему они истинные люди.

– Думаю, что это просто такая языковая конструкция и вряд ли ты найдешь какие-то ответы на свой вопрос.

– Все равно, было бы здорово вырваться из города и пу-

ститься в достаточно неординарное путешествие.

– А вот это гораздо более значимая причина. Новые места, новые люди, новые впечатления.

– Поехали со мной. Будет весело.

– Заманчиво, но нет.

– Почему?

– Мне кажется, что политически неправильно мне сейчас брать отпуск. Я, конечно, имею на это право, но думаю, что Ерёмин не поймет.

– Ну да, Ерёмин такой. Он вообще не любит когда сотрудники отдыхают. Хотя сам с завидной регулярностью устраивает себе маленькие отпуска. То на охоту уедет на неделю, то на какой-нибудь горнолыжный курорт.

– Похоже, мне пора. А то мы уже про работу начали говорить, словно напились сверх меры.

Я улыбнулся Миле.

– Ну что же, а я тогда, пожалуй, еще потрачу немного времени на изучение инуитов и подумаю над путешествием.

– Пока, – мы одновременно встали со стульев.

– Пока.

На прощание, Мила по-дружески хлопнула меня ладонью по плечу, развернулась и направилась к выходу.

Я смотрю, как она уходит и жалею, что время нашего общения каждый раз такое краткое. Сегодня, мы признались друг другу в странно одинаковых ощущениях. Этот вечер показал, насколько мы все-таки близки с ней характерами и ми-

роощением. А это неловкое молчание было как раз следствием того, что мы внезапно осознали родство наших душ. Но эта духовная близость никак не перерастала в близость физическую. Если бы она поцеловала меня в щеку на прощание, я был бы просто в шоке. Хлопок ладонью по плечу, это именно то, что было правильно.

Входная дверь громко хлопает, закрываясь за Милой. Я снова пытаюсь представить её голой, чтобы выяснить, появились ли во мне какие-то новые чувства к ней, какое-нибудь физическое влечение.

Нет. Абсолютно никаких ощущений ниже головы. Она просто друг и по-другому быть не может.

Чукотка

Я смотрю, как искрящийся снежный покров проносится в полуметре от моего лица. В этих искрах я вижу весь спектр света. Ни одна радуга не сравнится с богатством красок светящегося белого снега. Закутанный в оленью шкуру, я сижу в низких санях из грубо оструганных жердей, связанных кожаными ремнями. Невысокий погонщик стоит у перекладкины в передней части саней и правит упряжкой из двенадцати собак. Холодный встречный ветер срывает с движущихся собачьих шкур клубы пара. Я смотрю на низко висящее солнце, разгоняющее ледяную пыль в небе. Кажется, что все вокруг сделано из алмазов. Такое все блестящее, сияющее и холодное.

Примерно так я представлял себе путешествие в поселение инуитов. Реальность была далека от этой аутентичности. Для начала я выяснил, что посещение северных городов вроде Норильска мне ничего не даст, так как там уже давно нет этнических поселений. Оказалось, для того чтобы найти целостный конгломерат инуитов, мне следует лететь на Чукотку.

С этого момента начались трудности. Выяснилось, что Чукотка считается пограничной зоной нашей страны, и её посещение строго регламентируется. Мне пришлось получать специальное разрешение на посещение чукотского автоном-

ного округа. В этом разрешении был строго прописан маршрут моего перемещения по округу, от которого я не должен был отклоняться.

Конечной точкой путешествия я выбрал поселок Уэлькаль. Мне показалось, что именно он отвечает всем требованиям моей «этнографической» поездки. К тому же, на русский язык название поселка переводится как «челюсти кита» в честь одноименного мыса, что на карте действительно чем-то напоминает часть китового черепа. А вот откуда могли знать об этом сходстве люди, никогда не поднимавшиеся в небо, мне стало интересно. А в самом произношении названия, мне чудились какие-то ацтекские нотки. Слово с таким мягким окончанием ассоциировалось у меня с именами древних богов Мексики.

Первый этап моего путешествия состоял из долго перелета до города Анадырь. И хотя я летел на вполне комфортабельном «Боинге», восемь с лишним часов проведенных в самолете, утомили меня.

Следующей преградой на пути в Уэлькаль оказалось то, что туда нельзя попасть напрямую из Анадыря. Нужно было совершить еще один перелет на старом винтовом самолете до города Эгвекино. Только оттуда я мог на вертолете попасть в нужный мне поселок.

Но, поскольку я не знал обо всех этих трудностях, то Эгвекино не был упомянут в моем разрешении на посещение Чукотки. Пришлось провести несколько часов в мест-

ном отделении пограничной службы, чтобы внести изменения в маршрут.

Еще сутки ушли на ожидание рейса в Эгвекинот. И еще два дня, мне пришлось прожить уже в самом Эгвекиноте, поскольку вертолет это не такси и по прихоти единственного пассажира никуда не полетит.

Честно говоря, я чуть было не отказался от полета в Уэлькаль. Я был поражен удивительной гармоничностью сочетания современной малоэтажной архитектуры Эгвекинота, с окружающей природой. Стоящий на широком мысе в окружении остроконечных сопок, этот город был похож на затерянный рай на краю мира. Мне захотелось остаться здесь как минимум до лета, чтобы увидеть, как на склонах невысоких гор появится зелень вместо снежного покрова, как очистится ото льда океан и как маленький городок, состоящий из ровных линий ярких домиков, станет гордым маяком на границе суши и моря. Он и сейчас такой же маяк, только между белыми складками земли и серой, с белым налетом замерзшей водой.

Но в Эгвекиноте мне не удалось найти шамана инуита. Все местные, кого я спрашивал, говорили, что мне нужно в Уэлькаль.

И вот, после двух дней ожидания, я на вертолете лечу туда. Да, в иллюминатор я вижу снежный покров, иногда он даже блестит на солнце. Но это совсем не похоже на мои мечты. В целом, внизу скорее видна смесь белых и серых пятен,

и никакого алмазного свечения.

Через час небольшим, когда я уже был готов сойти с ума от воя вертолетных винтов, мы наконец-то приземлились в Уэлькале. Все пассажиры, летевшие вместе со мной, не побежали к выходу, а деловито стали откреплять транспортировочные ремни от крупного груза и подтаскивать коробки к задней части фюзеляжа. Немного удивившись, я стал им помогать. Видимо, здесь так принято.

Я не застал загрузки вертолета, поэтому для меня стало откровением, что его задняя часть раскрывается двумя створками. Как только разгрузочный люк был открыт, стоящие с края коробки стали сниматься людьми со стороны улицы. В салон проник холодный сырой ветер, но, кажется, никого кроме меня это не волновало.

Когда весь груз был снят с вертолета, ко мне подошел пилот.

– Слушай сюда, турист. Сейчас я познакомлю тебя с Сашкой, все дальнейшие свои действия будешь координировать с ним. И никакой самостоятельности, тут тебе не Москва какая-нибудь. Выйдешь на улицу когда не нужно и попадешь в снежную бурю. Она может налететь внезапно. Сам не заметишь, как прямо между домов заблудишься. Тут если вслепую не ориентируешься зимой, без гида нечего делать.

Напуганный этой длинной тирадой, произнесенной человеком, что сначала мне показался самым молчаливым на свете, я мог лишь кивнуть в ответ.

– Ну, хватай эту коробку и пошли знакомиться.

Я перекинул ремень своей сумки через голову и подхватил коробку, стоящую у стенки кабины и которую даже никто не попытался выгрузить, и спустился за пилотом по короткому трапу.

В тридцати метрах от вертолета полукругом выстроились разношерстные транспортные средства. Здесь и вполне современные снегоходы, и странные конструкции на больших колесах, и даже пара собачьих упряжек. Повсюду суетятся люди в теплых кожаных куртках. Они грузят коробки и ящики на свой транспорт. Среди этого автопарка своими внушительными размерами выделяется шестиколесный оранжевый вездеход. Мы с пилотом как раз шли в направлении этого чуда техники.

Вездеход стоял кабиной в другую сторону, а позади снегохода, возле открытого борта короткого кузова суетился крупный мужчина в пуховике. Он крепил широкие ремни со скобами по периметру большого деревянного ящика.

Когда мы с пилотом дошли до вездехода, мужчина уже опутал ящик петлями ремней и теперь цеплял их металлические скобы к какой-то странной конструкции на боковом борту кузова.

– Сашка, привет, – пилот махнул рукой обернувшемуся мужчине.

– О, привет. Щас, пять сек.

Мужчина начал энергично крутить какую-то ручку

и странная конструкция стала подниматься, отрывая от земли ящик.

Закончив погрузку менее чем за минуту, мужчина захлопнул кузов и снова повернулся к нам.

– Виталя, здорово!

Мужчина, весело сверкая зубами сквозь густую бороду, сделал шаг к пилоту и крепко обнял за плечи.

– Два месяца не прилетал! А с твоим сменщиком ты же знаешь, у меня отношения натянутые.

– В отпуск ездил, к родственникам в Краснодар, – пилот, обездвиженный крепким объятием, смог лишь кивнуть в мою сторону, – Вот гостинцы тебе привез.

Бородатый Саша выпустил пилота из захвата и посмотрел на меня.

– Соленья, варенья?

– Не только. Есть еще и сюрприз. Тебе понравится.

– Отлично.

– Кстати, пассажир это тоже к тебе.

– В смысле ко мне?

– Турист одиночка. Ты уж позаботься о нем тут.

– Ну, хорошо, – Саша снова заулыбался, – Гости это хорошо. Будет с кем твой сюрприз освоить.

Пилот обеспокоено посмотрел на часы.

– Саш, ты извини, мне еще сегодня нужно сделать рейс на буровую. На следующей неделе прилечу на сутки, тогда и пообщаемся вволю.

– Ладно, Виталик, – Саша снова обнял пилота, – Давай, всего хорошего, жду в гости.

Распрощавшись с пилотом, Саша открыл мне заднюю дверь снегохода.

– Ставь сюда коробку, – он кивнул на сиденье, – Да аккуратней, подарок не разбей!

Я сунул коробку на сиденье, протолкнул её дальше, рядом с коробкой уместил свою сумку и собрался сам залезть внутрь.

– А ты куда собрался?

Я удивленно обернулся на Сашу. Неужели он хочет бросить меня здесь, после того, как пилот напугал меня жуткими местными условиями?

– Поедешь спереди, – он открыл переднюю дверь, – Залезай.

В вездеходе, несмотря на заглушенный двигатель, было тепло. Из дефлекторов дует теплый воздух. Наверное, работает автономный отопитель.

В передней части салона стоят три отдельных кресла. Среднее несколько вынесено вперед и именно перед ним торчит колонка с рулевым колесом. Интересное решение.

Саша не спешил залезать в кабину, а уперев руки в бок, смотрел, как начинают раскручиваться лопасти вертолета. Я тем временем решил осмотреть окрестности. В левое окно вижу очень странные конструкции из металла. Метрах в двухстах от вездехода они торчат из снежной целины, ка-

залось, без всякой цели. Крупные, наверное, метров десять в высоту. Приглядевшись, я рассмотрел, что эти странные башни достаточно серьезно проржавели и местами обрушились.

Через лобовое стекло, видны невысокие каменистые холмы. Светло-серый, выбеленный временем гранит почти сливается со снежным покровом равнинной части. Пригнувшись, я пытаюсь рассмотреть, что находится за правым окном вездехода. Наверное, это нужно было сделать с самого начала, ведь как раз в ту сторону стали уезжать все встречавшие вертолет. Сквозь поднимавшуюся бурю я успел разглядеть лишь какие-то темные, прижатые к земле прямоугольные контуры.

Буря налетела откуда-то из-за вездехода, и снежная пыль поглотила все вокруг. Мне даже показалось, что резко село солнце. В этой внезапной мгле я едва мог разглядеть край капота. Действительно, в такой буре заблудиться ничего не стоит.

Раскрылась правая дверь и из белой мглы в кабину запрыгнул Саша. Он проскользнул на среднее кресло, повернул ключ в зажигании, затем вытянул какой-то рычажок, щелкнул переключателем и нажал кнопку под рулем. Спустя секунду завизжал стартер, и могучий двигатель вездехода загрохотал где-то впереди.

- Сейчас чуток прогреем и поедем. Как раз ветер утихнет.
- Утихнет? Здесь всегда так: резко дует и резко стихает?

Саша сначала непонимающе посмотрел на меня, а затем расхохотался во весь голос.

– Нет, не всегда, – Саша пытался говорить, давясь смехом, – Только, когда вертолет прилетает.

Поняв, как опростоволочился, я отвернулся к своему окну, в которое теперь был виден набирающий высоту вертолет. Вот он слегка наклонил нос и стал уходить с резким ускорением вперед и вверх.

– Тебя как звать-то, турист?

Саша задал вопрос, не глядя на меня. Он смахивал выступившие от смеха слезы с той части покрасневшегося лица, что не была скрыта бородой.

– Коля.

– Коля, – Саша выдавил из себя еще два глухих «Хы», – Смешной ты, Коля.

– Ну, затупил немного, с кем не бывает, – я виновато пожал плечами.

– Да ничего, я тоже бывает с бодуна как затуплю, прям тушите свет.

Видимо двигатель уже считался прогретым, так как Саша дернул какой-то рычаг, вдавил педаль в пол и вездеход, рыча басом, неспешно покатился вперед.

– Сейчас заскочим в одно место, скинем груз и поедem в поселок.

Саша развернул вездеход в противоположную сторону, ту, что была мне не видна из кабины. На ходу он ткнул указа-

тельным пальцем несколько раз в большой экран, на котором светилась зеленая сетка. Затем, удовлетворившись результатами тычков, довольно хмыкнул и поддал газу. Похоже, что это какой-то странный навигатор, военный, наверное.

Могучая машина понеслась вперед, слегка покачиваясь на неровностях. Хотя по виду эти неровности больше напоминали холмы средних размеров. Видимо, тут все дело в огромных колесах низкого давления.

– Так ты сюда к кому-то приехал? Или по делам каким?

Саша, задав вопрос, повернулся ко мне, словно совсем потеряв интерес к тому, что творится прямо по курсу и ждал ответа. Впереди была лишь одинаковая степь, но мне стало некомфортно от того, что водитель не контролирует дорогу, поэтому я ответил быстро.

– Да просто так, – как только я начал отвечать, Саша вновь повернулся к дороге, – Хочу с настоящим шаманом пообщаться.

– Так значит остановиться тебе негде?

– Ну, я думал здесь можно найти какое-нибудь постоянное жилье.

– Так считай что нашел, у меня поживешь. У меня до самой весны целый блок свободен.

– Блок?

– Да, такая мобильная жилая постройка, вроде вагончика. Рассчитана на десять человек, а я там всю зиму один живу.

Косясь на странный навигатор, Саша стал сильно забирать

вправо, следя за тем, чтобы проложенный путь, жирной зеленой полосой всегда уходил строго за верхний край экрана. Я не понял смысла такого маневра на равнине, и лишь когда вездеход еще сильнее повернул направо, понял, что мы объезжаем холм.

– Тут очень хитрая местность, – заметив мой интерес к маневрам, Саша решил пояснить, – Перепады высот практически невозможно заметить. Кажется, что едешь по равнине, а на самом деле с холма на холм.

Обогнув холм, который, казалось, просто вырос за считанные минуты, мы подъехали к небольшому ангару, стоящему на коротких сваях.

– Скинем сейчас ящик и поедem домой.

– А что тут?

– Склад оборудования для этнографов и археологов. А я у них вроде как завхоз на длинной вахте.

– А почему склад стоит сам по себе посреди тундры и совсем без охраны?

– Да кому тут воровать-то? Местные такими вещами не занимаются, для них кража, грех страшней убийства. А все приезжие на виду. Да и куда все это тащить-то, как украдешь? Вокруг на сотни километров никого.

– Ну, можно прилететь на вертолете.

– Можно, – Саша согласился с такой охотой, что я почувствовал подвох, – Вот только невыгодно. Здесь хранится только габаритное оборудование, которое можно привез-

ти только по частям и вывезти таким же способом. Но ни одна часть сама по себе не стоит того, что бы лететь за ней на вертолете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.